

ТРИЖДЫ ДО ВОСХОДА
СОЛНЦА

The background of the cover is a vibrant teal color. In the center, a woman in a red dress stands atop a tall, white, tiered structure that resembles the Leaning Tower of Pisa, which is tilted. The structure is surrounded by soft, white clouds. To the left of the tower, a large, bright yellow sun is partially obscured by clouds, and a flock of small white birds is flying towards it. The lower portion of the cover features a detailed, dark, and somewhat gothic illustration of a city or fortress, possibly a reconstruction of ancient Rome, with various towers, arches, and intricate architectural details. The overall composition is surreal and fantastical.

ТАТЬЯНА
ПОЛЯКОВА

авантурный детектив

Татьяна Викторовна Полякова
Трижды до восхода солнца
Серия «Фенька –
Femme Fatale», книга 3

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=595565
Трижды до восхода солнца: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-47643-5

Аннотация

Единственное желание Феньки – запереть накрепко внутри своей души все плохое и страшное, что было в прошлом, а ключи выкинуть в темный омут. Но горькая и запретная любовь к Стасу вопреки всему рвется наружу... Чтобы отвлечься, Фенька с головой погружается в расследование обстоятельств смерти Авроры Багрянской. Ее сын не сомневается: матери помогли отправиться на тот свет. Все дело якобы в таинственных мемуарах, где Аврора раскрывает секреты сильных мира сего. Фенька влезла в непростую историю, и свидетельство тому – покушение на ее сестру Агату. Что это? Предупреждение или неудачная попытка убрать саму Феньку? А тут еще нашлись охотники за ключами от ее души...

Татьяна Полякова

Трижды до восхода солнца

*Прежде чем петух пропоет дважды,
Ты трижды отречешься от меня.
Евангелие от Марка, 14; 66-72*

– Где твоя сестра? – сурово спросила мама.

Уже три недели она лежала с загипсованной ногой, и это обстоятельство самым пагубным образом сказалось на ее характере. То есть самым пагубным образом это сказалось на нас, мамин характер и до той поры ангельским назвать не мог бы даже самый бессовестный хитрец, поднаторевший в комплиментах, без того чтобы его тут же не заподозрили в скрытой издевке.

Ногу мама умудрилась сломать, находясь в санатории, куда ее уговорил отправиться папа. Думаю, он просто рассчитывал пару недель побыть в тишине и покое, что удавалось крайне редко, так как отдыхать они обычно ездили вместе (должно быть, по этой причине папа отпуска терпеть не мог). Мама весьма кстати пожаловалась на ломоту в суставах, и заботливый супруг тут же подсуетился с путевкой. Мама отбыла в Краснодарский край, заметив хмуро, что ничего хорошего от этой поездки не ждет. Впоследствии папа утверждал, что мамино чутье не подвело и беду она предвидела загодя. Агатка по этому поводу высказалась так: «А на фига

было каркать?»

Как бы то ни было, но мама сломала ногу на третий день своего пребывания в санатории, и вызволять ее из беды семейство отправило меня. К тому моменту персонал санатория был на грани нервного срыва, моего появления там ждали с нетерпением.

Однако маму оно совсем не обрадовало. Думаю, мамуля считала, что если несчастье случилось с ней в этих стенах, она имеет право на моральное удовлетворение, которое всячески намеревалась продлить. Но так как я уже явилась перед ее ясные очи, пришлось выметаться. Но и здесь мама проявила характер, заявив, что лететь самолетом отказывается. В результате мы двое суток тряслись в поезде, где на меня обрушился поток нравоучений.

Я выпала из поезда на привокзальную площадь с распухшей головой и мамой в инвалидной коляске. К счастью, здесь уже поджидал папа, я бросилась ему на шею с восторгом, какого не испытывала с раннего детства. С тех пор мы находились в состоянии боевой готовности, то есть готовы бежать куда угодно сломя голову. Мама справедливо заподозрила, что нас гонит прочь вовсе не желание ей услужить, и старалась, как могла, разнообразить нашу жизнь.

Агатка отговаривалась срочными делами и домой забежала раз в день и то минут на десять, предпочитая узнавать о состоянии больной, переминаясь с ноги на ногу возле входной двери. Я же работала дворником, осень выдалась на ред-

кость теплая, если так пойдет дальше, снега ждать замучаешься, в общем, отговориться авралом я не могла и оттого навещала маму куда чаще.

– Где твоя сестра? – повторила мама, а я подумала, что Агатка вконец обнаглела, потому что не появлялась в родном доме два дня. Обиды на сестру у меня не было, только зависть. Но на мамин вопрос следовало быстро ответить, дабы не вызвать ее гнев, и я сказала:

– Она звонила. Какое-то срочное дело.

– Разумеется, – фыркнула мама. – Твоя сестра совершенно бесчувственная. Оттого и замуж никто не берет.

В комнату заглянул папа и с робостью произнес:

– Августа, здесь столько корреспонденции скопилось, не хочешь взглянуть?

– Не хочу. Какое сегодня число? – в свою очередь спросила мама, а получив ответ, сказала, морща лоб: – Завтра Гришин устраивает прием. Я обещала быть.

– Ничего страшного. Ему известно, что ты сломала ногу, так что...

– Придется тебе идти, – перебила мама. – Он мне с этим приемом два месяца надоедал. И для него очень важно...

– Августа, ты забыла, я завтра должен быть в Москве.

– Черт, – выругалась мама и нахмурилась еще больше. – Как неловко получается. Начнут болтать, что мы пренебрегаем... а Гришин мужик безотказный, обижать его нельзя.

Папа развел руками.

– Меня ждут в Генпрокуратуре, а ты не можешь отправиться на прием в инвалидной коляске.

Что мама может, а что нет – еще вопрос. Наверное, та же мысль посетила папу, он у меня, кстати, прокурор области, а мама занимает крутой пост в администрации. О Гришине я до той поры ничего не слышала, и вопрос, как он переживет отсутствие на приеме моих дражайших родителей, меня вовсе не волновал.

– Кто-то из нас должен быть, – не унималась мама. – Если я прискачу на прием на одной ноге, все решат, что это слишком, и бог знает что навдумывают. Ефимия, найди свою сестру, Агате полезно пообщаться с людьми, может, пригласит кого-то... – Последнее замечание вызвало сомнение, однако я поспешно кивнула, радуясь, что отдуваться придется Агатке, а не мне. Мама вряд ли считала, что я достойна представлять семью на приеме, и спорить с ней я отнюдь не собиралась.

– Вот и отлично, – сказал папа, и оба уставились на меня.

– Тогда я поеду к Агатке, – с облегчением вздохнув, сообщила я, приподнимаясь.

– Не забудь пригласительный, он на тумбочке в прихожей, лежит под вазой.

Я кивнула и поспешила смыться.

Оказавшись на улице, я добрела до ближайшего сквера и устроилась на скамейке. Глазела на редких прохожих, потом достала мобильный и позвонила сестре. Ее телефон был от-

ключен. Я вытянула ноги, откинувшись на спинку скамьи, и еще некоторое время сидела, пялясь в пустоту. Мой оптимизм трещал по швам, жизнь складывалась так хреново, что я с сожалением думала, отчего я не медведь. Самое время залечь в тихом месте и проспать до весны, Впрочем, вряд ли весной что-то изменится. В тот момент меня бы вполне устроил куда более длительный сон, вечный. Такие мысли до добра не доводят, это я знала доподлинно, вот и посоветовала себе отправиться к сестре.

На стоянке такси выстроилась вереница машин, что я сочла удачей. Села в ближайшую и назвала адрес. Агатка трудоголик и сейчас, скорее всего, в своем офисе. Однако, подъехав к зданию, фасад которого украшала табличка «Адвокатская контора», я смогла убедиться, что ни в одном из восьми окон света нет, и попросила водителя отвезти меня на улицу Чкалова, где с некоторых пор проживала сестрица. Консьерж в подъезде сообщил, что Агатку сегодня не видел, хотя заступил на работу в восемь утра. Несмотря на это, я поднялась на третий этаж и с минуту усердно давила на кнопку дверного звонка. Без толку.

— Где ее носит, — посетовала я и вновь набрала номер мобильного. Телефон был по-прежнему отключен.

Потоптавшись под дверью еще минут пять, я покинула подъезд. Удалилась на два десятка метров и подняла голову, надеясь уловить в родных окнах отблеск света. Может, Агатка в ванной? Или дверь открывать попросту не желает? Окна

были темные. Это вызвало беспокойство. Не то чтобы Агатка раньше отзывалась по первому требованию и жгла свет в квартире почем зря, просто раньше у меня не было повода за нее переживать. Теперь поводов хоть отбавляй. Права мама, детки ей достались непутевые. У меня, по ее мнению, просто мания выбирать в спутники жизни неподходящих мужчин, теперь и сестрица рвалась соединить свою судьбу с типом, от которого следовало бы бежать сломя голову. Я об этом хорошо знала, а сестрице еще только предстояло узнать. Тут я подумала: а не связано ли внезапное исчезновение Агатки с этим самым узнаванием? На душе кошки скребли, и, чтобы немного умерить их пыл, я отправилась домой пешком, бодрой поступью компенсируя отсутствие этой самой бодрости.

Возле моего подъезда соседка выгуливала пуделя. Я поздоровалась, она кивнула в ответ и тут же спросила:

- Фенька, как мама себя чувствует?
- Прекрасно.
- Так у нее же нога сломана?
- Мама с надеждой смотрит в будущее.
- Да? – соседка нахмурилась, должно быть не разделяя маминых надежд. – Тебе Марья Петровна сказала, что, пока ты на юг ездила, тобой мужчина интересовался?
- Славка? – уточнила я.
- Да вроде нет. Если б он, Марья Петровна так бы и сказала. Ты зайди к ней...

– Кому надо, тот объявится, – буркнула я и наконец-то вошла в подъезд.

Силы вдруг оставили меня, хотелось бухнуться на ступеньки и сидеть истуканом, ничего не видя и не слыша. А еще хотелось заорать, громко, протяжно: «Есть здесь хоть кто-то, кроме меня?» Но орать я себе отсоветовала. Толку от этого никакого, а вот соседей напугаю. Да и на данный вопрос мне ответ хорошо известен: народу вокруг пруд пруди. И люди-то все хорошие. Есть папа, мама, Агатка, друзья-подруги... Так что не в них дело.

– Хорошо живет на свете Винни-Пух, – негромко затянула я и бегом поднялась по лестнице. Притормозила возле своей двери, достала ключ из-под коврика и в который раз пожалела, что живу я в своей коммуналке одна, соседи появляются редко и не засиживаются.

На телефоне в прихожей мерцал сигнал автоответчика. Я нажала кнопку и услышала голос Агатки.

– Фимка, мне надо уехать на пару дней. Придумай, что сказать предкам, мне самой лень. – Бесстрастный голос механически отметил, когда поступил звонок: сегодня, три часа назад.

Снимая кроссовки, я гадала, куда сорвалась сестрица, а главное, по какой нужде. Может, и нет никакой нужды, просто не спешит на свидание с мамой. «Два старых сообщения», – услышала я, а потом... потом Стас произнес: «Здравствуй, Принцесска. Звоню сказать, что уезжаю. Хотя вряд ли

тебе это интересно. Соседка сообщила, что ты отправилась на юг. Надеюсь, хорошо отдохнула».

Пока я хватала ртом воздух, силясь прийти в себя, смогла узнать, что Стас звонил накануне моего возвращения из Краснодарского края, куда меня срочно командировала семья вызволять мамулю. Третье сообщение оставили за день до этого, но сказать ничего не пожелали.

Стас мне звонил... Как я могла не обратить внимания на автоответчик? Впрочем, чему же удивляться, учитывая мое тогдашнее состояние... Уезжать мне очень не хотелось. Стас после операции пришел в себя, но навестить его в больнице мне так и не удалось. Наверное, следовало проявить настойчивость, но Настя, жена Стаса, постоянно находилась в его палате, точно верный сторожевой пес. На звонки тоже отвечала она, причем, телефон после первого моего звонка она отключила, так что звонила я напрасно. Бродила под окнами его палаты без всякого толка, правда, иногда видела Настю, которая замирала возле окна, наверное, меня она тоже видела и готовилась пресечь очередную попытку прорваться к Стасу. Наша первая встреча с ней, после того как он оказался в больнице «Скорой помощи», все еще была свежа в памяти. Но, несмотря на это, сразу после возвращения из затянувшейся поездки в Краснодарский край я бросилась к нему, то есть в больницу, и узнала, что Стас выписался два дня назад. И уехал. Вместе с Настей. Теперь выяснилось, что не просто так уехал. Позвонил. Почему, почему я не обра-

тила внимания на автоответчик? А что бы изменилось? Он мог позвонить на мобильный... К тому моменту я его успела потерять. Стас приехал сюда, соседка сказала, что я на юге... я на юге, а он в больнице. Мобильного я лишилась за день до своего отъезда, оставила его где-то вместе с сумкой, потому что пребывала в том странном состоянии, когда с трудом понимаешь, где ты, что ты... Срочная командировка в Краснодарский край немного взбодрила, по крайней мере сообщать я начала и даже порадовалась, вот, мол, какая я молодец, мысли появились, а вместе с ними уверенность: решение я в конце концов найду или просто смирюсь с тем, что всем троим хорошо не будет. Следовательно, надо выбрать: либо причинить Насте боль, жуткую и незаслуженную, либо... либо пойти и удавиться. Оказалось, все решили без меня. Стас не простил мне ни нашего последнего разговора, ни того, что благодаря мне оказался в больнице. И уехал.

Все последующие дни я старательно убеждала себя в том, что он прав. Не скажу, что преуспела, но это помогало как-то жить. И вот теперь сообщение на автоответчике... Я отпихнула ногой кроссовки, не сразу сообразив, что реву. Закусила ладонь, чтобы не заорать в голос, всполошив весь подъезд. Вскочила и пару раз тюкнулась лбом в стену. Обычно это помогает.

– Я должна с ним поговорить, – пробормотала я, косясь на телефон. – Поезд в Питер отходит в двадцать два тридцать, я еще успею...

Эта мысль показалась единственно правильной, все на мгновение стало простым и ясным. Я еду в Питер, мы встречаемся и... Что? Главное, увидеть его... Я припустилась в комнату, чтобы собрать кое-какие вещи, а главное, взять паспорт. Вызову такси и через полчаса буду на вокзале...

Войдя в комнату, я, еще не включая свет, увидела, что на диване кто-то лежит, укрывшись пледом. Будь я в другом состоянии, первой на ум пришла бы Агатка, но в тот момент я вдруг решила, что это Стас, и едва не хлопнулась в обморок, по крайней мере, качнуло меня основательно. Но к выключателю все-таки потянулась, свет вспыхнул, а я стиснула зубы, чтобы не заорать, на сей раз от разочарования. Отбросив плед в сторону, Димка сел, сонно зевая, потер лицо ладонями и сказал:

– Привет.

– Какого хрена ты делаешь на моем диване? – проворчала я, безуспешно пытаюсь справиться с разочарованием. Димка – сын моего четвертого мужа. Повода любить друг друга у нас не было, но в последнее время он взял за правило меня опекать.

– Тебя жду, – ответил он. – Звонил раз пять, дома тебя нет, зато ключ под ковриком, решил дождаться, когда появишься. – Он взглянул на часы. – Блин, проторчал здесь два часа.

– Мог бы у себя спать.

– Мог бы, но беспокойство одолело. – Димка подмигнул. – Нравишься ты мне. Мобильный тебе купил. – Он кивнул на

журнальный стол, где лежал новенький мобильный.

– Я и без него прекрасно обхожусь.

– Ладно, не ворчи. Скажи лучше, как дела?

– Как положено.

– Это в том смысле, что ты на все положила?

Я поморщилась, но ответила спокойно:

– Убедился, что я жива-здорова? Выметайся. За заботу огромное спасибо.

– Пожалуйста. Чаем напоишь?

– В другой раз.

– Что так?

– Дело есть. Я спешу.

– На питерский поезд? – хмыкнул он. Я малость растерялась от такой прозорливости, а Димка, понаблюдав за мной, криво усмехнулся: – Вообще-то я пошутил. Что, угадал ненароком? В самом деле к нему собралась?

– А не пойти ли тебе... куда-нибудь?

– Дело, конечно, не мое, но, может, не стоит усугублять одну глупость другой? – Он поднялся и направился к двери. Уже стоя на пороге, обернулся и добавил: – И ты, и я хорошо знаем Стаса. Этот парень своего не упустит. Он бы ни за что не уехал, если бы ты была ему нужна.

Димка ушел, а я пнула ногой кресло и опять заревела. Потому что подозревала: Димка прав.

На вокзал я так и не поехала. Вышла на балкон и, заку-

тавшись в плед, долго курила, зябко ежась. Стас...

Когда-то он был охранником моего мужа и очень скоро стал моим любовником. И смог убедить меня в том, что Вадим помеха нашему счастью, которую надо побыстрее устранить. Тогда я не видела другого решения, старательно подыскивая себе оправдания. Я любила Стаса и хотела быть с ним, этого оказалось вполне достаточно, чтобы все остальное перестало иметь значение. Мой муж погиб, а в тюрьму отправился невинный. Счастье, о котором я так мечтала, длилось недолго. Стас уехал с деньгами Вадима, оставив меня разбираться с собственной совестью. Я была уверена, что никогда его больше не увижу, и худо-бедно научилась жить без него. А потом он вновь объявился, к тому моменту став преуспевающим бизнесменом и успев жениться на богатой наследнице. А в моей жизни появился Славка, хороший парень, которому встреча со мной счастья не принесла. То ли Стас действительно все эти годы думал обо мне, сожалея, что напутал с призами, предпочтя моей большой любви увесистый мешок с баксами, то ли его просто раздражал тот факт, что я сорвалась с крючка, как любит выражаться сестрица, но мы снова оказались в одной постели. И снова счастье было недолгим. Теперь возникло сразу два препятствия: Настя, жена Стаса и Славка. Правда, в этот раз казалось: обойдется без смертного греха, но и тут вышло иначе. Настя, узнав о том, что Стас собирается с ней развестись, наглоталась снотворного и попала в больницу, а Славка решил выступить в

роли моего спасителя и способ нашел самый действенный. В результате Стас чудом остался жив после автоматной очереди киллера, которого ищут до сих пор, и с тяжелым ранением был доставлен в больницу «Скорой помощи», где в тот момент находилась Настя. Застав ее возле постели Стаса, после операции еще не пришедшего в сознание, я поспешила уйти. Может, потому, что очень хорошо знала, как больно потерять того, кого любишь. А может, была еще причина. За грехи приходится платить. Иногда слишком дорого.

Кое-как пережив ту ночь, я вскоре вновь оказалась в его палате. То есть в палату меня Настя не пустила, ее, кстати, оттуда тоже попросили, и она устроилась в коридорчике рядом с заветной дверью, где, собственно, мы и столкнулись. Настя мне всегда казалась похожей на испуганную птичку, было в ней что-то трогательное, детски-наивное. Но не в тот вечер. Завидев меня в коридоре, она решительно шагнула мне навстречу.

– Что вам здесь нужно? – спросила тихо и вроде бы даже спокойно, но спокойствие это меня не обмануло, чувствовалось, что девушка готова сорваться на крик в любой момент. Конечно, не ее криков я боялась. Я слишком хорошо знала, что она испытывает в тот момент, и снова явились непрощенная жалость и чувство вины. – Это из-за вас он едва не погиб. Вам что, мало? Оставьте его в покое.

И Стас, и я тянули лямку бывшего предательства, у каждого оно было свое, но сути это не меняло, и вся последую-

щая жизнь стала искореженной, поломанной, одна беда цеплялась за другую, и конца этому не предвиделось. Проще было искупать свои грехи в одиночестве, чтоб не видеть, как страдает другой. Но сил поступить мудрее и правильное у меня не имелось. Знать, что он рядом, и не видеть его – чересчур трудная задача. И я уходила и возвращалась вновь, а Настя вновь поджидала меня в коридоре. Моя нерешительность прибавляла ей сил, а ее постоянное пребывание возле Стаса давало надежду, что он вернется к ней, непременно вернется, по крайней мере, она пыталась меня в этом убедить. А я не хотела верить, и вместе с тем сомнение росло, а с ним росла убежденность – все логично, все так, как должно быть. Потом я отправилась за матушкой, а вновь оказавшись в родном городе, узнала, что он выписался из больницы и уехал в Питер. Это был удар ниже пояса, от которого оправиться трудно, если вообще возможно. Зато вместе с болью я чувствовала нечто вроде смирения перед мировой гармонией, где каждый грех наказан, грешник повержен и справедливость торжествует. Стас, должно быть, решил, что наше недолгое воссоединение вовсе не заслуживало, чтобы ради него стоило рисковать жизнью. Обвинять его в этом мне бы и в голову не пришло. В конце концов, он жил без меня несколько лет вполне счастливо, и ничто не мешало продолжить в том же духе. Мне в этом смысле было куда хуже. Как я ни старалась, а без него жизнь моя представлялась не то чтобы совсем скверной, скорее малопривлекательной. Но

подобные ощущения давно сделались для меня привычными, и эти долгие три недели я не помышляла встречаться со Стасом ввиду бесперспективности подобных встреч. И вдруг этот телефонный звонок. Теперь я была уверена, что, находясь в больнице, он ждал меня, простив мне мои слова, сказанные не иначе как в беспамятстве во время нашей ссоры. Злые, глупые и беспомощные слова, которые я никогда бы не решилась повторить. И то, что в больницу я не пришла, он расценил как мое твердое намерение расстаться с ним раз и навсегда. В общем, выходило, что в своем бедственном положении виновата я сама. И стоит мне сесть в поезд, встретиться с любимым – и вот оно, счастье. Бери и радуйся.

Если бы не Димкино замечание, я бы сейчас двигала в северо-западном направлении под стук колес, рисуя картинки нашей встречи одна другой радостнее. Вместо этого я куталась в плед, приканчивая энную по счету сигарету, а никакими радостными картинками даже не пахло, если и являлись картины, то все как на подбор – безрадостные. Потому что Димка прав, Стас никогда бы не уехал, будь он уверен в том, что я ему нужна. В отличие от моего мира, в его все предельно просто и ясно: коли ты любишь человека, значит, должен быть с ним; если при этом кому-то не поздоровится, что ж, тем для них хуже. Значит, лежа на больничной койке, он увидел всю маету и беспросветность наших отношений, в которых было очень много боли и мало радости, и решил, что вполне обойдется без всех этих драм. А мое появление

в Питере будет незапланированным актом в затянувшейся пьесе, где все уже сказано и сыграно, в актерах куража нет и зрители скучают.

Я невесело рассмеялась, разглядывая двор в свете одинокого фонаря у соседнего подъезда, но тут накрапывающий до того холодный, как и положено глубокой осенью, дождь вдруг разошелся и погнал меня с балкона. Я легла на диван, зарылась лицом в подушку и вдоволь наревелась. Польза от этого была безусловная, впервые за долгое время я уснула и проспала как раз до того момента, когда нужно было приступить к своим обязанностям, заботясь о чистоте родного города.

Дождь хоть и кончился, но небо было затянуто тучами. Низкими, грязно-серого цвета, что настроения не прибавило. На смену боли явилось сонное равнодушие, которое легко было передать словами из известной сказки: «Что воля, что неволя – все равно».

Закончив работу, я решила навестить маму, выполнить дочерний долг, чтобы оставшееся время вдоволь предаваться тоске, лежа на родном диване. На маму скверная погода действовала всегда одинаково, ее критическое отношение к миру увеличивалось в геометрической прогрессии, она бодро помыкала несчастной сиделкой, находя в ней все новые недостатки, и разъясняла ее обязанности, начисто забыв о правах.

Мама милостиво меня поцеловала, а потом начала приглядываться, хмурясь и поджимая губы.

– Что с тобой происходит? – спросила она.

– Ничего, – ответила я. – Погода скверная. Хандрю.

– Тебе следует помириться со Славой.

– Мы не ругались.

– Да? Ты могла бы объяснить матери, почему вы расстались?

– Почему люди расстаются? – пожала я плечами. – Просто поняли, что не подходили друг другу. Если хочешь знать мое мнение, он достоин лучшей участи.

– Какая глупость, – хмыкнула она. – Храни свои дурацкие секреты, но я вижу: ты страдаешь.

Переубедить маму себе дороже, оттого я пожала плечами и решила сменить тему.

– Звонила Агатка. Она уехала на пару дней.

– Куда?

– Понятия не имею. Оставила сообщение на автоответчике.

– Позвонить матери у нее, конечно, ума не хватило. Послал бог деток... Мне намекнули, у нее роман с Берсеневым. Это что, правда?

– Вряд ли. Люди любят сплетничать.

Мама нахмурилась еще больше, а потом вздохнула.

– Вас кто-то сглазил. Это, конечно, глупые суеверия, но поневоле начнешь сомневаться... Одна была замужем четы-

ре раза и каждый раз без всякого толка, другую никак не пристроишь... просто наказание.

– Нам и так хорошо, – вяло молвила я.

– Хорошо – это когда есть семья, муж и дети. А мне, видно, внуков не дожидаться. – Она потеряла виски и добавила: – Если Агатка в отъезде, на прием пойдешь ты.

– Мама... – запаниковала я.

– Что «мама»? Приятно проведешь время. Наденешь платье, почувствуешь себя женщиной. Не забудь заскочить в парикмахерскую, чтоб потом не говорили, будто моя дочь похожа на чучело.

– Спасибо, мама, – кивнула я.

– Пожалуйста.

Разумеется, мне и в голову не пришло послушаться родительницу, раздражать мамулю по пустякам не стоило. И, точно следуя указаниям, я отправилась в парикмахерскую, а потом в магазин, где купила себе платье. Красивое. Вся эта суета отвлекла от навязчивых мыслей, так что по большому счету, маме следовало сказать «спасибо».

Прием был по случаю открытия в городе гостиничного комплекса. Располагался комплекс в черте старого города неподалеку от церкви Успения Божьей Матери и получил название Успенской слободы. Два десятка бревенчатых домов, в центре двухэтажный терем с ресторанами, барами, боулингом и крытым бассейном. Вокруг забор из металличе-

ских прутьев. К резным воротам вела асфальтовая дорога. По слухам, хозяин, тот самый Гришин, о котором так пеклась матушка, вбухал во все это немалые деньги. Гостиниц в городе пруд пруди, и больших, и малых, и злые языки болтали, что свои бабки он в ближайшие сто лет не отобьет. Данными сведениями снабдила меня подруга, когда узнала, куда я собираюсь.

Хотя во дворе моего дома не спеша ржавела машина, оставшаяся со времен последнего замужества, в «Успенскую слободу» я отправилась на такси. Не потому, что собиралась отдать должное дармовой выпивке, скорее по лености, предпочитая бдению за рулем общественный транспорт. Празднество начиналось в шесть вечера, но я решила, что вполне могу появиться часам к семи, и поступила мудро. В квартале от слободы вереница машин продвигалась малой скоростью, среди них я заметила машину нашего мэра, а без него праздник вряд ли начнется. Проще было отпустить такси и преодолеть оставшееся расстояние пешком, да жаль новые туфли, оттого я позевывала на заднем сиденье в терпеливом ожидании. Наконец мы въехали в ворота, а я стала с интересом оглядываться. Машина мэра как раз тормозила возле терема, к нему навстречу высыпала стайка граждан, в основном мужчины, и, подхваченный потоком, мэр исчез за дубовыми дверями.

– Ближе не подъехать, – сказал мне водитель, который тоже оглядывался с большим интересом. Расплатившись, я,

обегая лужи, припустилась к зданию, парковка была заставлена машинами, места всем не досталось, оттого многие, оставив свои транспортные средства на попечение водителей, как и я, скакали по лужам. Несколько дам возмущались довольно громко, но скорее от обиды на свой недостаточно высокий социальный статус.

В холле столпились человек пятьдесят, пытаюсь пристроить свои пальто ополоумевшим гардеробщикам. Отель не театр, и гардероб здесь был импровизированным. Я никуда не спешила и, стоя возле окна, ждала, когда толпа схлынет, чтобы перебраться в огромный зал, двери в который были распахнуты настежь. Зал неплохо просматривался с моего места, слева столы с закуской, справа – с выпивкой, вокруг разноцветные шары, гирлянды цветов, у противоположной стены расположился духовой оркестр, как раз в тот момент исполнявший гимн нашего города, написанный, кстати, моим давним другом. Свое произведение он не очень-то жаловал, прежде всего потому, что настоящий творец на заказ не работает (это его мнение, а не мое), вторая причина, на мой взгляд, существенней: городская администрация с ним до сих пор не расплатилась и от разговоров об этом всячески увиливала.

Гимн мне понравился, и чувство гордости за родной город выходило из берегов. Упитанный дядька в сером костюме пробрался к микрофону, и вскоре стало ясно, что это и есть Гришин. Он мне тоже понравился. Говорил немного пу-

тано, но недолго. После него выступил мэр. Я решила, что вполне могу провести вечер у окна в холле, за происходящим наблюдать отсюда очень удобно, от толчеи я избавлена, а к столам не стремлюсь. К Гришину можно подойти где-то через часик, когда торжественная часть закончится, выполнить поручение маменьки и убраться восвояси.

Только я об этом подумала, как рядом возник молодой человек в белой рубашке с галстуком бабочкой и произнес:

– Позвольте ваше пальто.

Я позволила и нехотя побрела в зал.

Во время выступления фольклорного ансамбля я, прихватив бокал с шампанским, немного потолкалась среди публики, увидела нескольких знакомых и заподозрила, что мама отправила меня сюда не только для того, чтобы засвидетельствовать уважение семейства к цвету городского бизнеса в лице господина Гришина, но и в надежде, что здесь окажется Славка и мы, встретившись вроде бы случайно, непременно с ним помиримся. Надеждам ее не суждено было сбыться, хотя бы по той причине, что Славки среди присутствующих не наблюдалось. Этот факт вызвал удовлетворение, потому что встречаться я с ним не планировала. Сказать нам друг другу было нечего, даже если он думал иначе.

Зато довольно скоро я обнаружила господина Берсеньева. Мило улыбаясь, он разговаривал с женщиной лет тридцати, высокой, стройной, в вечернем платье с длинным шлейфом. Наряд сей выглядел слегка неуместным, а сама дама, несмотр-

ря на природную красоту, ухищрения парикмахера и стилиста, показалась глуповатой, может, оттого, что слушала Берсеньева открыв рот, а смотрела на него с откровенным обожанием, готовясь по первому зову лишиться своего наряда, вряд ли подозревая, что перед ней вовсе не уважаемый всеми бизнесмен, интеллигентный, милый и, безусловно, привлекательный, а редкий мерзавец, хуже того, убийца, с большим искусством игравший роль человека, которым он никогда не был. Понаблюдав за ним минут десять, я вынуждена была признать, что некоторое поглупение дамочки вполне понятно. Подать себя Берсеньев умел. На первый взгляд не было в нем ничего необычного, рост выше среднего, спортивная фигура, это и среди бизнесменов не редкость, дорогим костюмом здесь тоже никого не удивишь. Физиономия скорее приятная, но отнюдь не голливудский красавец. Была в его лице некая неправильность, вероятно, следствие пластической операции, которую он перенес, но и это его не портило. Пока я гадала, как ему удастся привораживать доверчивых дамочек, возникло смутное беспокойство. Еще полчаса назад я была уверена: внезапное исчезновение сестрицы связано с Берсеньевым, то есть в настоящий момент она счастливо проводит время в его объятиях, но парень не спеша клеил красотку со шлейфом, а мне оставалось лишь гадать, куда подевалась сестрица.

Берсеньев меня тоже заметил, кивнул с широкой улыбкой и вновь повернулся к своей спутнице.

– Хорош, сукин сын, – услышала я и рядом с собой обнаружила женщину лет шестидесяти, она насмешливо улыбнулась и спросила: – Вас не шокирует, что я так выражаюсь? – И, не дожидаясь моего ответа, продолжила: – Я заметила, вы с него глаз не сводите.

– С кого? – спросила я с намеком на удивление.

– С Сергея Львовича. Вы знакомы? Если нет, могу вас представить.

– Спасибо. Этот тип ухлестывает за моей сестрой, она в отъезде, и я прикидываю, выцарапать ему глаза сейчас или немного подождать.

– Ух ты, как интересно, – приглядываясь ко мне, сказала дама. – То, что девицы от него без ума, совсем неудивительно. Или вы считаете иначе? Вас его достоинства оставили равнодушной?

– Особых достоинств я, признаться, не вижу.

– Да бросьте, в нем очень сильно мужское начало, женщины это чувствуют.

– Вы его хорошо знаете? – поинтересовалась я.

– Встречались пару раз. Моя подруга от него в полном восторге. Впрочем, ей уже за сорок, а в этом возрасте женщины не особо разборчивы.

Пока она говорила все это, поглядывая то на меня, то на Берсеньева, я прикидывала, кого мне бог послал в собеседницы. На чиновницу не похожа, одета чересчур вызывающе, особенно для своего возраста. Однако не было в ней и

стальной твердости бизнес-леди, поднаторевшей в затяжных офисных битвах. Черное кружевное платье выгодно подчеркивало фигуру, бедра и грудь тяжеловаты, зато осанка королевы. В роскошных волосах седина, которую она словно выставляла напоказ, лицо красивое, и то, что свой возраст женщина скрыть не пыталась, делало ее еще более привлекательной. Я бы решила, что она актриса или оперная дива, но это вряд ли, коли живет и здравствует в нашем городе, а я о ней до сих пор ничего не слышала. На приглашенную звезду не похожа, если знакома с Берсеневым и что-то говорила о своей подруге. В общем, кто она такая, оставалось лишь гадать, сама дама просветить меня на сей счет не спешила, а задавать вопросы я сочла излишним.

– Ваша фамилия Завьялова? – вдруг спросила она.

– Вообще-то Ломакина, но когда-то была Завьялова, – ответила я, осведомленность женщины впечатлила: положим, то, что она знает моих родителей, неудивительно, а вот с чего вдруг взяла, что я имею отношение к данной фамилии, если раньше мы никогда не встречались? Точно не встречались, я бы ее запомнила.

– Конечно, – кивнула дама. – Вы ведь были замужем, и, кажется, не один раз.

– Четыре, – подсказала я.

Женщина подняла брови, в глазах плескался смех, хотя улыбка не стала шире.

– А что сейчас? Снова в поиске?

– Я в нем постоянно.

– Интересно. Я-то считала, что этим обычно грешат мужчины. Психологи утверждают, что, будучи охотниками по натуре, они теряют интерес к женщине, как только она забеременеет. Им важно оставить потомство от разных самок, в этом и состоит принцип выживания.

Я решила блеснуть знаниями.

– Те же психологи утверждают, что из-за этого самого принципа женщинам каждые четыре года хочется сменить партнера, чтоб потомство было здоровым. В общем, я просто следую зову природы.

– Но у вас ведь нет детей?

– Нет. Значит, нет смысла ждать четыре года, можно переметнуться значительно раньше.

– А чем вы занимаетесь, когда не охотитесь на мужчин?

– Мету улицу. Я – дворник.

– Серьезно? – Теперь она разглядывала меня с удвоенным интересом. – И как к этому относятся ваши родители?

– Плохо. Но выбора у них нет, и они смирились.

– Знаете, я вам завидую, – сказала она. – Да-да. Не удивляйтесь. Вы из породы людей, которые живут так, как считают нужным. Я этого никогда не умела. Если честно, я вообще ничего не умею. Ничего стоящего. Муж зарабатывал деньги, а я обустривала быт. Дом, дети, чистые рубашки, пельмени и генеральная уборка каждую пятницу. Теперь сын живет отдельно, муж работает шестнадцать часов в сутки, и пель-

мении с генеральной уборкой никому не нужны. Даже мне.

– Грустно, – кивнула я.

– На самом деле большинство людей так живут. Оттого я вам и завидую.

– Не стоит. Периодически я испытываю тягу жить как все, но природная лень здорово мешает благим порывам.

В этот момент к нам подошла официантка, в руках она держала поднос с шампанским и рюмкой текилы с лимонной долькой.

– Аврора Леонидовна, это для вас, – с улыбкой сказала девушка. – Виктор Степанович помнит ваши вкусы.

– Мило, – усмехнулась моя собеседница, выпила текилу и сунула в рот лимон. Девушка предложила мне шампанского и поспешно отошла.

– Ну, вот, мое имя вы уже знаете, – сказала Аврора. – Фамилия моя Багрянская. А вас зовут Ефимия. Верно?

– Фенька мне нравится больше.

Она засмеялась.

– У вас красивое имя. Кстати, я знакома с вашей сестрой, помню ее еще ребенком. И вас тоже не раз видела. Как вам шампанское? Можно раздобыть чего-нибудь покрепче. Гришин, святая душа, обо всем позаботился, придется написать о нем несколько добрых слов в своих мемуарах.

– Вы пишете мемуары? – решила я поддержать разговор.

– Сама-то я вряд ли бы справилась. Подруга помогает. Зато сколько у меня интереснейших наблюдений, сколько тайн

будет раскрыто... мой труд станут читать взахлеб, в этом городе, конечно, на большее я не претендую. А вот и Виктор Степанович... Между нами, на текиле он сэкономил, жуткая дрянь, но об этом мы умолчим, – подмигнула она мне.

Не успела Аврора договорить, как рядом оказался Гришин.

– Надеюсь, вы не скучаете? – спросил он, сияя улыбкой. Во взоре, обращенном ко мне, был вопрос, он вроде бы гадал, кто я и какое отношение имею к Багрянской. Я скороговоркой сообщила о бедственном положении мамы и папином отъезде.

– Ужасное несчастье, – запечалился он. – Кланяйтесь вашим родителям. Августе Николаевне скорейшего выздоровления, и при первой возможности милости прошу сюда, кухня прекрасная, это я гарантирую.

Решив, что свой долг выполнила, я дала задний ход, предоставив Гришину возможность вдоволь болтать с Аврой.

Ее фамилия в городе была на слуху. Муж известный бизнесмен, пару лет назад метнувшийся в политику. Вполне успешно метнулся, к слову сказать. Тетка мне понравилась, пожалуй, ее мемуары я с удовольствием прочитаю, если их когда-нибудь опубликуют.

Ничего меня здесь более не держало, я направилась к выходу и тут едва не столкнулась с Берсеньевым. На сей раз он обольщал сразу двух дамочек, одна была перезрелого воз-

раста, но отчаянно кокетлива, вторая – пухленькая блондинка со вздернутым носиком. Обе, скорее всего, до черта ему надоели, только этим я могу объяснить его внезапный интерес ко мне.

– Ефимия Константиновна! – воскликнул он, освободил свой локоть из цепких пальцев блондинки и вкрадчиво произнес: – Прошу прощения, дамы, – после чего, подхватив меня, ходко припустился к столу.

– Гвардия в панике покидает поле боя? – съязвила я.

– Ничего подобного, это стратегическое отступление.

– В любом случае с тебя причитается.

– Все, что угодно, милая.

– Где Агатка? – серьезно спросила я.

На физиономии Берсеньева отчетливо читалось удивление.

– Понятия не имею. Я честно выполняю условия нашего соглашения, ты не лезешь в мои дела, а я оставляю твою сестру в покое.

– Если ты...

– Не занудствуй, – перебил Берсеньев. – Я сдержал слово, а как я это сделал – тебя не касается. В нашем соглашении на сей счет ничего сказано не было. И не буди во мне зверя, он и так постоянно не высыпается.

В этот момент к нам присоединилась Аврора.

– Сергей Львович, – нараспев сказала она. – Должна заметить, вы имеете оглушительный успех. Наши дамы с вас

глаз не сводят.

– Поверьте, уважаемая Аврора Леонидовна, в этом мало радости. По натуре я отшельник.

– Ага, – влезла я. – Он бы с удовольствием подался в монастырь, только вот не знает в какой. Надо бы в мужской, но тянет почему-то в женский.

– Ершистая, – весело заметил Берсеньев, кивнув на меня и обращаясь к Авроре: – Страшно подумать, что мы едва не стали родственниками. – Он собирался еще что-то сказать, но очередная дамочка, жаждавшая общения, материализовалась рядом, и он отправился обольщать ее.

– Насчет возможного родства он пошутил? – спросила Аврора.

– Разумеется. Он вообще... шутник.

– Вы, кажется, решили покинуть это милое сборище? – вновь спросила Аврора. – Могу вас подвезти.

– Спасибо, я, пожалуй, пройдуся.

– В туфлях? Если вам еще не наскучило мое общество, я с удовольствием доставлю вас домой.

Получив пальто в гардеробе, мы вышли на улицу. Незаметно подкатил «Мерседес», шофер распахнул заднюю дверь и помог Авроре устроиться на сиденье. Обойдя машину, я села рядом с ней.

– Мне кажется, обаяшка Сергей Львович испытывает к вам слабость.

– Вам показалось. – Меньше всего на свете мне хотелось

говорить о Берсеневе, я уже жалела, что согласилась на предложение Авроры.

– В ваших взаимных колкостях положительно что-то есть.

– На самом деле мы друг друга не жалуем. Он едва не женился на моей подруге, она погибла, и Сергей Львович считает, что в этом есть моя вина. Неприятно с ним соглашаться, но, по большому счету, он прав.

– Я слышала об этой истории. Не скажешь, что он до сих пор оплакивает былую возлюбленную, а ведь времени прошло совсем немного.

– Жизнь продолжается, – пожала я плечами.

– Что верно, то верно. Глупо осуждать его, тем более что очень редкие мужчины способны на истинные чувства. Берсенев точно не из таких. Он назвал себя отшельником, но я бы выразилась иначе: волк-одиночка.

– А не вы окрестили его обаяшкой? – усмехнулась я.

– Одно другому не мешает. Женщины падки на подобных мужчин. Знают, что любовь принесет им страдания, и все равно спешат навстречу, как мотыльки на огонь. Каждая надеется, что именно она сможет приручить это опасное животное. Наивные дурочки. Я, кстати, как раз отношусь к подобной категории. Всю жизнь пребывала в фантазиях... несбыточных, разумеется. Признайтесь, такого мужчину, как Берсенев, очень хочется добиться.

– Скорее уж добить, – скривилась я.

Аврора весело погрозила мне пальцем:

– Фенечка, вы меня заинтриговали, в ваших отношениях все не так просто. Извините меня, – сказала она серьезно. – Я старая сплетница. Единственное доступное развлечение в моем возрасте.

– В моем тоже. Ваш муж чем-то похож на Берсеньева?

Она засмеялась.

– Так мне и надо. С чего я взяла, что могу приставать к вам со своими глупостями? Мой муж прекрасный человек, у меня нет к нему претензий. Только к матушке-природе.

– Чем она не угодила?

– Тем, милая, что мужик в шестьдесят все еще интересный мужчина, если он когда-то вообще им был, а женщина в шестьдесят – старая баба. И тут уж ничего не поделаешь. Вокруг него водят хороводы молодые красотки, а ты либо бесишься сдуру, либо стараешься этого не замечать.

– Пожалуй, в пятый раз выходить замуж не стоит, – кивнула я.

– Выберите спутника жизни лет на двадцать пять старше. Впрочем, жить с мужчиной, который тебе в отцы годится, невелика радость.

– Откуда вам знать, вы же не пробовали?

– Я сплетница, так что много чего знаю. Даже слишком много.

Мы засмеялись, но длилось это недолго. Аврора вдруг закрыла глаза и тяжело со стоном вздохнула. Я нахмурилась, заподозрив, что она неважно себя чувствует. Только хотела

спросить ее об этом, как женщина, запрокинув голову, издавала странный звук, точно подвывая, в следующий момент ее лицо судорожно скривилось, кончик языка показался между сомкнутых губ, а голова упала на мое плечо.

– Что с вами? – перепугалась я.

Водитель резко затормозил, повернулся и рывкнул:

– Ах ты, черт...

– Что с ней? – повторила я, окончательно растерявшись и мало соображая, что теперь делать.

– «Скорую», надо «Скорую»! – орал водитель, напуганный не меньше меня, и соображал, пожалуй, не лучше, казалось, он того гляди сорвется в панику. – И хозяин, как на грех, в Москве, вот черт...

Я достала телефон и начала звонить в «Скорую», мужчина выскочил из машины, распахнул заднюю дверь и теперь беспомощно топтался рядом.

– Скажите, что она диабетик, пусть поторопятся... может, нам самим ехать? Пусть скажут, что делать...

«Скорая» приехала в рекордно короткий срок. Аврору положили на носилки и перенесли в машину неотложки. Решив, что от шофера толку мало, врач обратилась ко мне:

– Что произошло?

– Не знаю, – затрясла я головой. – Мы спокойно разговаривали, она ни на что не жаловалась и вдруг потеряла сознание.

Врач, кивнув мне, села в машину, шофер Авроры махнул

мне рукой.

– Поехали за ними.

Я согласилась, хотя понятия не имела, чем могу помочь. По дороге он позвонил Багрянскому, голос звучал виновато, а изъяснялся водитель крайне бестолково. Но, отбросив телефон, немного успокоился.

Через пятнадцать минут мы были в больнице, однако в приемный покой нас не пустили. Собственно, я могла вызвать такси и отправиться домой, если толку здесь от меня никакого, но шофер рвался в больницу, как видно убедив себя, что до приезда хозяина должен находиться рядом с Авророй, и меня тянул за собой, обретая во мне какую-никакую поддержку. Оставлять его одного я не решилась, но дело, конечно, было не только в этом, я хотела убедиться, что с Авророй все будет в порядке.

В отделение мы все-таки проникли и бестолково метались по коридорам, изводя медсестер вопросами. Здесь нас примерно через час и обнаружил врач, высокий хмурый мужчина лет сорока.

– Это вы ее привезли? – спросил он. – Мужу сообщили?

– Да, – кивнул шофер.

– Что с ней? – подала я голос.

– Она диабетик с большим стажем, – пожал мужчина плечами. – Характер у Авроры Леонидовны весьма тяжелый, врачей она слушать не желает, рекомендаций не выполняет, хотя ее не раз предупреждали о последствиях... Сейчас она

в реанимации. Послали за ее лечащим врачом, он ее проблемы знает, как никто другой. Надеюсь, все будет хорошо.

На следующий день, вернувшись с родного участка, я бродила по квартире, то и дело слушая автоответчик с сообщением Стаса. И в конце концов решила, что просто обязана съездить в Питер. Стас женатый человек и сделал свой выбор... По крайней мере, я пыталась убедить себя в этом, но вместе с тем... смириться с этим самым выбором было невозможно, хотя я, конечно, хитрила и придумала для себя очередное оправдание. Я еду не для того, чтобы как-то повлиять на его решение, я просто должна объяснить, почему ни разу не навестила его в больнице.

– Все вранье, – печально констатировала я. – Ты просто хочешь его увидеть.

Уже часа за два до отправления поезда я была на вокзале, купила билет и, устроившись в зале ожидания, смотрела какой-то боевик, гоня все мысли прочь, чтобы не появилось искушения в последний момент сбежать домой. Я очень хотела увидеть Стаса и очень этого боялась. До встречи с ним у меня остается крохотная надежда. А что будет потом?

Уже в поезде, вернувшись к этой мысли, я с твердостью, которой и в помине не было, заявила себе: хотя бы все станет ясно. Перспектива подобной ясности вызывала сердечные спазмы и дрожь в коленках, а я бубнила, что мне не привыкать и я уж как-нибудь переживу и спазмы, и дрожь. В об-

щем, в голове и в душе был полный кавардак и я сама не знала, чего хочу больше: поскорее оказаться в Питере или выскочить из поезда на ближайшей станции. Само собой, всю ночь я не спала и покинула поезд с помятой физиономией и тихим отчаянием.

Шел дождь со снегом, ветер заставлял прохожих прятать лица в воротники, а я почувствовала себя брошенной кошкой. Чужой город, чужие люди, и здесь мне нет места. День был будничным, девять часов утра, и я решила, что Стас, скорее всего, сейчас на работе. Подошла к ближайшему такси и назвала водителю адрес. И пока мы ехали по Невскому, бездумно таращилась в окно, и вновь явилось искушение повернуть назад, бежать отсюда сломя голову. Но как только сбегу, меня опять потянет сюда вопреки всякой логике.

Водитель свернул на светофоре и вскоре притормозил.

– Вот пятьдесят третий дом, – сказал он, поворачиваясь ко мне.

Офис выглядел солидно, табличка у входа отливала золотом, парковка на несколько машин, рядом бродил охранник, зябко подергивая плечами. Остатки моей решимости улетучились, и я сказала:

– Давайте подождем немного.

– Хорошо, – кивнул водитель и посмотрел на меня с недоумением.

«Досчитаю до тысячи и пойду, – подумала я. – А если его не окажется в офисе?» И вновь я не знала, чего боюсь боль-

ше: застать здесь Стаса или убедиться, что его нет. «Белая горячка», – решила я.

Водитель начал проявлять нетерпение, и я поняла: пора выметаться. И тут увидела «БМВ». Вынырнув из переулка, он плавно притормозил у дверей офиса, охранник приосанился и шагнул навстречу. Дверь «БМВ» распахнулась, и появился Стас. Вслед за ним вышли девушка и мужчина в серой куртке, они быстрым шагом направились к офису. Я открыла дверь, собираясь позвать Стаса, он деловито продолжал разговор со своими спутниками, меня не заметил.

– Лариса, – услышала я его голос. – Предупредите всех, что совещание переносится на двенадцать, и еще не забудьте позвонить моей жене...

Охранник распахнул перед ним дверь, Стас вошел в офис, и конца фразы я не разобрала. Захлопнула дверцу такси и потеряла лицо руками. У него все в порядке, совещание, жена... Жизнь идет своим чередом, это для меня она остановилась. В той самой точке, когда я, не помня себя, орала: «Ненавижу тебя...» Я что, всерьез надеялась, что он места себе не находит, меряет шагами комнату, то и дело хватая телефон, и ждет, когда раздастся звонок, чтобы лететь сломя голову за тысячу километров и заключить меня в объятия? Что сделано, то сделано. А дальше как в песне: «Ты пойдешь налево, я пойду направо». И... что там дальше? Ничего.

Водитель деликатно кашлянул, а я вспомнила, где нахожусь.

– Извините, – сказала виновато. – Давайте на вокзал.

– На Московский?

– Да.

Он посмотрел на меня как-то странно.

– Может быть, город посмотрите? Город у нас красивый.

Правда, погода сегодня подкачала, но завтра обещают без осадков.

– Город красивый, – кивнула я.

– Ну, так как? Может, останетесь?

– В другой раз.

Домой я вернулась уже ночью, с трудом дождалась времени, когда можно отправиться на родной участок, а потом лежала на диване и пялилась в потолок. День сменила ночь, вновь пришел день, а я продолжала изучать трещины на потолке, совершая редкие вылазки в кухню, чтобы выпить чаю. Из этого полубредового состояния на третий день меня вывел телефонный звонок. Звонила, конечно, мама.

– Ты еще помнишь, что у тебя есть родители? – по обыкновению, поинтересовалась она.

– Помню, разумеется, – без огонька начала я. – Извини, подхватила простуду.

– А позвонить ты не могла?

– Не хотела вас беспокоить.

– Какая забота... У тебя температура? Врача вызвала?

– Отлежусь пару дней, зачем мне врач.

– Очередная глупость. Ты знаешь, к чему приводит самолечение? Немедленно вызови врача. Нет, лучше я сама вызову.

– Не надо, – взмолилась я. – Мне уже лучше. Агатка появилась?

– У нее, как видно, есть дела поважнее.

Ближе к вечеру я заставила себя подняться и на такси отправилась в отчий дом. Вдоволь наслушалась родительских наставлений, дала обещание завтра же отправиться в поликлинику и с чувством огромной дочерней благодарности убралась восвояси. К этому чувству примешалась убежденность, что если у меня все так хреново, то у сестры еще хуже. Дочерний долг она исполняла свято, и ее упорное нежелание выходить на связь теперь всерьез пугало. Агатку требовалось срочно отыскать. Для начала я ей позвонила, но ее телефон был отключен. Бодрым шагом я направилась к офису и вздохнула с облегчением, увидев свет в окнах. Трудится сестрица, сидит, обложенная папками с документами, и на звонки не отвечает, потому что не хочет отвлекаться от великих дел. Я вошла в приемную. Секретарь Агатки, Вера, собиралась уходить, она была уже в пальто и с дамской сумочкой в руках.

– Привет, – сказала я.

Вера кивнула и заговорила почему-то шепотом:

– Хорошо, что ты приехала. Агата, по-моему, неважно себя чувствует.

– Простудилась?

– Нет, – покачала она головой.

– Неужто конкуренты обскакали?

Вера на шутку не отреагировала.

– Мне кажется, здесь что-то личное.

– Вот это новость, я и не знала, что у сестрицы есть личная жизнь.

Усмехнувшись, Вера направилась к выходу, а я в кабинет Агатки.

В кабинете сестрицы не оказалось, дверь в комнату отдыха была открыта, и я заглянула туда. Агата лежала на диване, прикрыв лицо рукой. Заслышав мои шаги, убрала руку, буркнув:

– Привет.

Серые тени под глазами, в лице маета, все признаки больших душевных переживаний. Я вздохнула и села в кресло напротив. Агатка молча наблюдала за мной.

– Хреново выглядишь, – заметила я с печалью.

– Ты не лучше.

– Ну, так мы похожи, сестры, как-никак.

– Душа требует ремонта? – хмыкнула сестрица.

– Капитального.

– О делах не спрашиваю. Стас уехал? – Я кивнула. – Ты не была у него в больнице. Не могла простить того, как он обошелся с Настей?

– Выходит, что так.

– А он свалил на радостях?

– Мы поссорились, потом он оказался в больнице. А так как я у него не появлялась, он решил, что я благополучно вычеркнула его из жизни.

– А на самом деле?

– На самом деле я приходила много раз, но там была Настя.

– Ищешь ему оправдание? – На этот вопрос я предпочла не отвечать. – Киллера Славка нанял? – приглядываясь ко мне, спросила сестра, а я поморщилась. У сестрицы характер не сахар, но душой она никогда не была и сообразительностью ее бог не обидел. Я бы предпочла, чтобы она оказалась менее догадлива, изобразила удивление и спросила:

– Спятила? Славка – хороший парень, он и киллер – две вещи несовместимые. Скорее я бы решила, что это дело рук Димки, у них со Стасом старые счеты.

– Неудивительно, если Стас убил его отца.

– Он его не убивал, – резко сказала я, а Агатка усмехнулась.

– Кому ты гонишь? Стас в больнице, ты посылаешь Славку подальше, зато с Димкой у тебя подозрительная дружба, по крайней мере, вас часто видят вместе. И после этого ты пытаешься меня уверить...

– Иди к черту, – отмахнулась я.

– Я на полпути. Ясно, – вздохнула Агатка. – Ты и Славкину вину взгромождила на себя. Если б не ты, хороший парень

так и остался бы хорошим парнем? И Настя бы таблеток не наглоталась, и Стас не оказался бы в больнице.

– Иди к черту, – повторила я.

– И что теперь? Стас с Настей, а ты... Долго выдержишь?

– Уже не выдержала, – разглядывая свои руки, сообщила я. – Успела наведаться в Питер.

Агатка хмурилась, ожидая продолжения.

– И что? – осторожно спросила она, ничего не дождавшись.

– Да все у него нормально...

– А у тебя?

– У меня тоже.

– Врешь.

– Я честная девушка, – хмыкнула я, и мы замолчали на некоторое время.

– Я со следаком недавно разговаривала, – сказала сестрица. – Стас заявил, что понятия не имеет, кто мог организовать на него покушение. Повезло Славику. Конечно, менты им непременно бы заинтересовались, но Стас молчит, тебя вмешивать в это дело они не торопят, памятуя, кто наш с тобой папа. А без тебя картинка не складывается. Так что очередной висяк обеспечен.

– Ну, им не привыкать.

– Фимка, – позвала сестрица, впившись в меня взглядом. – Стас твой сволочь, его не переделать. От таких, как он, надо держаться подальше. «Каждый человек приносит сча-

стве, только один своим присутствием, а другой отсутствием», – процитировала она.

– Это ты сейчас о ком?

– Дура, – махнула рукой сестрица, легла и вновь прикрыла лицо локтем. – Что еще он должен сделать, чтобы ты наконец поняла... – с печалью произнесла она, а я ответила:

– Я девушка толковая. Со мной полный порядок. – Агатка взглянула из-под локтя и головой покачала. – Скажи лучше, как у тебя дела? – решив, что самое время разведать обстановку, спросила я.

– Нормально. Работаю.

– А на личном фронте?

– На личном фронте как на кладбище. Тихо, благолепно, иногда новеньких подвозят.

– На днях видела Берсеньева. – Я-то думала, Агатка с ходу укажет мне направление, в котором я должна двигать отсюда, но она молчала. Выждав с минуту, я позвала: – Ау, я еще здесь. – И тут увидела, что Агатка плачет. Она лежала, по-прежнему прикрывая лицо рукой, а по ее щекам бежали слезы. Если честно, я растерялась. Сестрица не из тех, кто заплачет от обиды или боли. По крайней мере, я так думала. Даже в детстве я не помнила ее плачущей. И вот теперь... – Чего ревешь? – подала я голос, а она ответила:

– Катись.

– Здорово, что ничто человеческое тебе не чуждо. На самом-то деле я в шоке, вот и болтаю всякую чушь. Извини.

– Фимка, я ничего не понимаю, – жалобно произнесла Агатка, а я до смерти перепугалась: сначала слезы, теперь еще и это, поспешно пересела к ней на диван и сказала:

– Ты самая понятливая девушка на свете. К тому же у тебя есть я. Вдвоем мы все пойдем, потом дружно забьем и будем жить долго и счастливо.

Агатка села, прижавшись плечом к моему плечу, вытерла глаза ладошкой и потянулась за салфеткой, чтобы высморкаться.

– Я его люблю, – сказала тихо.

– Берсеньева? – вздохнула я.

– Кого же еще? Все было... невероятно здорово все было, – хмыкнула она. – Так здорово... а потом...

– Что потом?

– Ничего. Он вдруг пропал. Я ему звоню, он вроде бы рад, но все время очень занят. Мне бы сообразить, что меня уволили без выходного пособия, но сестра у тебя дура, прости господи, придумала ему кучу оправданий, вилась ужом, чтоб как-то... – Агатка нервно хихикнула. – Самое смешное, никаких претензий у меня к нему нет. Он ведь ничего не обещал. Может, мне в самом деле все привиделось? И я сама себе любовь придумала, а он и в мыслях не держал? А потом увидел, что у меня крыша съехала, и поспешил улизнуть?

– Это очень по-мужски, – кивнула я.

– Вчера я все-таки настояла на встрече, – сказала Агатка с кривой усмешкой. – Лучше знать свой диагноз...

– Ну и?

Она помолчала немного, собираясь с силами.

– Последние надежды растаяли в тумане. Парень не хочет морочить мне голову. Он думал, что способен забыть твою подругу, но оказалось, что это не так просто, и на ее месте другой женщины он пока не видит. И когда увидит, неизвестно. – Агатка нервно засмеялась и развела руками. – За сим простились, пожелав друг другу удачи. Здорово, да?

Я слушала ее, думая о том, что мы и вправду очень похожи. Агатка жила себе спокойно, на мужиков поплеывала, пока не появился Берсенев. Человек, который меньше всего ей подходил. Убийца с чужим именем, чужой рожей и чужой судьбой. Влюбиться в такого – значит вляпаться по полной, что с сестрицей и произошло. Я могу рассказать ей о нашем с ним соглашении. О том, что Берсенев бросил ее взамен на мое обещание помалкивать о том, кто он такой на самом деле. Мало того, с самого начала он вертелся возле Агатки с одной целью – заставить меня быть покладистой. С легкостью пудрил ей мозги и с такой же легкостью бросил. Сказать? Реветь Агатка сразу перестанет и разобьется в лепешку, чтобы узнать всю его подноготную. В этом ей нет равных. Искушение было недолгим: почти в тот же момент я поняла, что ничего ей не скажу. Она и в самом деле узнает о нем все, попытается уж точно, а он не из тех, кто это позволит. И найдет самое простое решение проблемы, ему не привыкать. Сестра у меня одна, а Берсенев пусть катится на хрен,

и плевать мне на эту сволочь.

– В общем, зализываю душевные раны, – пожалала Агатка плечами и губу закусил.

– Хочешь, помогу? У меня большой опыт по этой части.

– Кто бы сомневался, – хмыкнула она. – Фимка, может, я что-то не так сделала, может, он...

– Не парься, – перебила я. – Сергей Львович не дурак, понимает, с тобой может быть все только всерьез. На Милке он хотел жениться, потому что она его с того света вытащила. Теперь почувствовал себя на воле и окольцовываться не спешит. Вот и придумал отмазку. Пусть погуляет, авось одумается.

– Не одумается. Я ему не нужна.

– Ну и забей.

– Забыю, выбора-то все равно нет. – Агатка обняла меня и прижалась лбом к моему лбу. Так мы сидели довольно долго. – Вот что, сестрица, – заметила она со вздохом. – Иди-ка ты ко мне работать.

Я отстранилась и спросила с удивлением:

– Спятила?

– Не-а. Предков порадуем. Не все тебе в дворниках бегать. Диплом у тебя есть, мозги, слава богу, варят...

– А лень?

– С ленью будем бороться. В такое время лучше держаться вместе. Ты за мной присмотришь, я за тобой. На свой участок всегда можешь вернуться. Что скажешь?

А что я могла сказать? Если сестрица додумалась до такого, дела ее впрямь хуже некуда.

– Я с тобой хоть на Северный полюс в банных тапочках.

– Заметано, – засмеялась Агатка.

– Когда приступать?

– А чего тянуть? Давай в понедельник... У меня коньяк есть. Хлопнем по рюмашке?

– Лучше по две.

Она поднялась, достала из бара бутылку коньяка, рюмки, и мы выпили. Двумя рюмками не обошлись, усидели всю бутылку, почти не разговаривая. Мы и без того хорошо знали мысли друг друга. Часов в двенадцать засобирались домой. Агатка вызвала такси, жила она неподалеку от своего офиса, из машины вышла первой. Буркнула «пока», потом вдруг наклонилась ко мне и сказала голосом старшей сестры:

– Не вздумай явиться на работу в джинсах. Придушу.

– Тогда бабки гони, куплю себе костюм.

– Бабки тебе придется заработать. А костюмчик, так и быть, одолжу.

Она подмигнула и удалилась, а я весело фыркнула, качая головой.

Вот так в понедельник я оказалась в офисе сестрицы. Прическа с аккуратным пробором, скромный костюм и туфли на каблуках. Агатка, завидев меня, глаза закатила, но осталась довольна.

Само собой, офис нагонял на меня тоску, я была уверена, что данное место не является моей естественной средой обитания. К тому же Агатка сразу завалила меня работой, как видно считая, что это лучшее средство от глупых мыслей. Родители отнеслись к переменам в моей жизни настроенно, заподозрив подвох, и даже предприняли попытку вызвать Агатку на откровенный разговор. Что она им наплела, мне неизвестно, но вопросами мне не докучали. Я советовала себе набраться терпения. Время пройдет, сестрица убедится, что меня спасать не надо, сама успокоится, и я смогу вернуться к метле и лопате.

В среду выпал первый снег, и я была не прочь откосить от физических нагрузок. Сидела, обложенная папками, и вникала в премудрости юриспруденции, стараясь оправдать доверие: Агатка страшная зануда, к тому же крикливая, ее и мои нервы следовало беречь. Временами очень хотелось сбежать, но поступать так я себе отсоветовала.

В выходной мы отправились на дачу, вопросов у родителей только прибавилось, но они героически молчали. Неделя пролетела незаметно, в пятницу Агатка заглянула в мой кабинет и сказала:

– Зайди ко мне.

Ирина, стол которой помещался напротив, заметила с сочувствием:

– Она к тебе придирается.

– Агатка решила сделать из меня человека, – серьезно от-

ветила я и пошла к сестрице.

Та сидела, уткнувшись в бумаги. Не поднимая головы, сказала мне папку, очередное ответственное задание, а когда я уже собралась уходить, сказала:

– Сегодня обедать здесь придется. Звонил Серега Багрянский, помнишь его?

– Нет, – покачала я головой.

– Как же, мой одноклассник. Теннисист, помнишь? Он бывал у нас дома...

– У нас много кто бывал... Какое отношение его приход имеет к моему обеду?

– Я обещала встретиться с ним в половине второго. Если ты пойдешь обедать, а я нет, меня зависть одолеет.

– Он просто так придет или по делу?

– Понятия не имею. Сказал, надо встретиться. Он на днях мать похоронил...

– Постой, – нахмурилась я. – Как, ты говоришь, его фамилия?

– Багрянский.

– А мать зовут Аврора Леонидовна?

– Звали.

Я устроилась в кресле напротив.

– Так она умерла? – спросила в замешательстве.

– Да. В больнице. Ее привезли без сознания, несколько дней в коме, а потом...

– Врач сказал, все будет нормально... черт, а я даже не

позвонила.

– Какой врач? – нахмурилась Агата.

Пришлось объяснять:

– С Авророй я познакомилась на приеме, который Гришин устраивал. Предки пойти не могли, ты затаилась, и мамуля отправила меня.

– Ну и?

– Это я ее в больницу привезла. То есть она хотела отвезти меня домой, а по дороге ей стало плохо.

Агатка выслушала мой рассказ и пожала плечами.

– Маловероятно, что его звонок связан с тобой. Хотя... ладно, чего гадать, придет, все узнаем.

Сергей Багрянский появился ровно в половине второго. Дверь в приемную была открыта, и я услышала приятный мужской голос. Мужчина осведомился у секретаря, может ли он увидеться с Агатой Константиновной. Вера спросила фамилию посетителя, он назвал, и она поспешно проводила его к сестре, а минут через десять заглянула к нам.

– Агата велела зайти, – сказала она мне, понизив голос.

Для встречи со школьным другом сестрица предпочла комнату отдыха своему кабинету. На журнальном столике две чашки кофе, она сидела в кресле, сочувственно улыбаясь, Сергей устроился напротив.

– Ну, вот и моя сестра, – сказала Агатка, когда я вошла. – Пытаюсь привить ей трудовые навыки.

Сергей повернулся, привстал и протянул мне руку.

— Рад встрече, — улыбнулся и добавил: — Какой вы стали красавицей... Впрочем, девочкой вы тоже были очень красивой. Мой приятель был страстно в вас влюблен, Ваня Левашов, помните?

— Толстяк с глазами навывкате? — сообразила я.

— Точно, — засмеялся Сергей.

Выглядел Багрянский очень солидно, теперь я его, конечно, вспомнила, однако, встретив на улице, вряд ли бы узнала. В детстве он был высоким, худым мальчишкой с вечно торчащими во все стороны рыжеватыми вихрами. Теперь шевелюра потемнела, стригся он не реже двух раз в месяц, волосы уложены волосок к волоску. Он успел обзавестись брюшком, на физиономии печать значительности, можно было не спрашивать: парень — бизнесмен, и бизнес его процветает.

— Примите мои соболезнования, — убрав с лица улыбку, сказала я.

— Спасибо, — кивнул он.

— Перед твоим приходом выяснилось, что Фимка на приеме у Гришина познакомилась с Авророй Леонидовной и уехала из ресторана вместе с ней.

— Так это были вы? Водитель мне рассказывал, только имени вашего не знал. Я хочу, чтобы Ефимия Константиновна присутствовала при разговоре, — вдруг заявил он.

Мы с сестрой быстро переглянулись. Я села, попутно внеся разумное предложение:

– Если уж мы старые знакомые, может, не стоит «выкать»? –

– Да-да, конечно, – согласился он и развел руками. – Даже не знаю, с чего начать...

– У тебя проблемы? – нахмурилась Агата.

– Проблемы? Речь пойдет о моей матери. Если коротко, я сомневаюсь, что она умерла из-за своей болезни. Почти уверен: ей помогли.

Мы вновь переглянулись, а потом на него уставились.

– Что ты имеешь в виду? – не выдержала Агата.

– Не хочу, чтобы вы решили, будто я просто помешался от горя, – вздохнул он. – Никаких доказательств у меня, конечно, нет. Но... на первый взгляд все вроде ясно. Она диабетик с большим стажем. С должным вниманием к своему здоровью никогда не относилась... внезапный приступ, кома и... смерть. Маму кремировали. Мысль о том, что придется лежать в земле, приводила ее в ужас. – Он потер подбородок, избегая наших взглядов.

– Сергей, я не понимаю... – начала Агата, он вскинул голову и в упор посмотрел на нее.

– Я... я думаю, что мою мать убили.

– Кто убил? Почему?

– Я думаю, все дело в книге, которую она писала. Мемуары. Мне казалось, это очередной мамин каприз. Стареющая женщина, у которой слишком много свободного времени. Несколько месяцев назад она познакомилась с Юдиной. Известная журналистка, вы о ней, конечно, слышали. Они

вдруг подружились. Говорю «вдруг», потому что не припомню, чтобы у мамы были подруги. Мама заявила, что Юдина помогает ей в работе над книгой. А еще сказала, что кое-кому в этом городе мало не покажется.

– Постой, – влезла я. – Ты всерьез решил, что кто-то испугался ее разоблачений?

Он пожал плечами.

– Юдина на ножах с нашей властью. А многие из отцов города и добропорядочных бизнесменов предпочли бы забыть, чем они занимались в девяностые. Мой отец, к примеру, очень не любит об этом вспоминать. Очень не любит.

– Вот как, – кивнула Агата, приглядываясь к нему.

– Да. Попади компрометирующие материалы к Юдиной...

– А у твоей матери они были?

– Не знаю.

– Отец пытался отговорить ее от этой затеи? – спросила сестра.

– При мне – нет.

– А какие у тебя отношения с отцом? – вновь влезла я. Сергей на пару минут задумался.

– Трудно сказать. То есть мы в общем-то ладим, просто он меня никогда не любил. Сестру – да, а меня нет. В детстве я очень страдал из-за этого, мне казалось, что я заслуживаю его любви не меньше, чем сестра. Но отец считал иначе. Потом сестра погибла... разбилась на машине со своим парнем, он выжил, она – нет. Думаю, отец предпочел бы, чтобы на ее

месте оказался я. Но в тот момент мне было уже все равно.

– Почему? – спросила я.

– Я рассчитываю на вашу помощь и потому буду с вами предельно откровенен. Он не мой отец. Хотя ни он сам, ни мама никогда мне об этом не говорили.

– От кого ты, в таком случае, узнал?

– От учительницы, на уроке биологии, – усмехнулся Сергей. – Я пришел после урока и спросил сначала у отца, потом у мамы, какая у них группа крови. Из любопытства. Никто из них ничего не заподозрил. А примерно через месяц мне пришлось сдавать кровь на анализ. Вот тут и выяснилось, что у меня первая группа крови, а у родителей вторая. Как видите, все просто.

– Ты сказал им об этом?

– Нет, – покачал головой Сергей. – Нелюбовь ко мне отца теперь была понятна, а ставить родителей в неловкое положение я не хотел. После гибели Вики отец со мной почти не разговаривал, мама, напротив, относилась ко мне с еще большей нежностью. Впрочем, ее любовью я никогда обделен не был, так она пыталась компенсировать строгость отца.

– Можно вопрос? – вновь подала я голос. – Ты считаешь, что в смерти твоей матери виноват он?

– Не знаю, – подумав, ответил Сергей. – Я бы ответил «нет», если б не его увлечение политикой. Потеряв дочь, он решил изменить свою жизнь. В бизнесе он достиг всего, чего хотел. Здесь было новое дело, и оно стало для него главным.

– А разоблачения жены могли ему повредить? Он ведь мог запретить ей...

– Вряд ли. Мама не из тех людей, что уступят угрозам.

– Какие у них были отношения?

– Они любили друг друга. Он ее, вне всякого сомнения, – сказал Сергей, а я вспомнила разговор с Авророй.

– У него есть любовница?

– Наверное. Но с матерью он бы никогда не развелся. Никогда. Он любил ее. По-настоящему. Я вижу, как он страдает. Места себе не находит.

– Он никогда бы не бросил ее, по твоему мнению... но мог бы убить? – спросила Агатка в некоторой растерянности.

– То, что не сделаешь ради другой женщины, можешь сделать ради идеи. По крайней мере, можешь убедить себя, что это необходимо.

– Ты сказал, что отец любил твою мать, – вновь заговорила я. – А она? Как она к нему относилась?

– Они прожили вместе долгие годы. Мать предпочитала не замечать его слабостей, он заботился о ней, она заботилась о нем. Собственно, ему и детям она посвятила всю свою жизнь. Я думаю, она любила его.

– Если так, вряд ли она захотела бы разрушить его планы. – Я снова вспомнила разговор с Авророй и продолжила, подбирая слова: – Если, конечно, она вдруг не решила, что ее жизнь была напрасной. И не захотела отомстить.

– Сложный вопрос, – пожал Сергей плечами. – Очень

сложный. И я не смогу ответить на него однозначно.

– То есть вполне возможно, что с ее стороны это был некий шантаж? – нахмурилась Агатка.

– Не думаю, что дела обстоят так скверно. По крайней мере, я не замечал, что между ними что-то происходит. Все было как обычно. Если взаимное недовольство и имело место, его с лихвой компенсировала давняя привязанность. Может, это прозвучит неубедительно, но мне кажется, они жить друг без друга не могли. Даже если это не любовь, а привычка, то из тех привычек, от которых невозможно отказаться.

– Тогда трудно представить, что он причастен к ее смерти. Разве нет?

– Наверное. Но иногда приходится идти на жертвы. Вопрос, что для него в тот момент было важнее.

– Все-таки должна существовать причина, из-за которой твоя мать решилась бы пойти против мужа. Обида, ревность... не знаю что... Он был ей дорог, и, разрушая его жизнь, она автоматически разрушила бы свою.

– Я думал об этом. Причина, конечно, должна быть. Но я ее не знаю. Вполне возможно, что мама вовсе не собиралась раскрывать все тайны отца. Я даже уверен, что она не желала этого делать. Но он был связан с другими людьми. А жалеть их у мамы причин не было.

– И эти люди могли как-то воздействовать на твоего отца? Сергей кивнул.

– Есть еще вариант. Им необязательно было ставить его в

известность. Решив написать мемуары, мама не раз публично заявляла, что кое для кого это будет означать конец карьеры. Она точно нарочно провоцировала их.

– Интригующе, – почесала бровь Агатка. – Но, если честно, не очень верится, что ее книга способна вызвать бурю. Ну, пошумели бы немного, кто-то почувствовал бы себя слегка неловко...

– И об этом я думал. Возможно, я излишне подозрителен. Если вы сможете убедить меня в этом, буду только рад.

– Мы? – слегка удивилась Агатка.

– Вы же понимаете, что в прокуратуру я со своими догадками не пойду. Тело кремировали, зацепок никаких. К тому же среди тех, к кому бы следовало обратиться, вполне могут быть люди, которым смерть мамы только на руку.

– Так чего ты ждешь от нас? – продолжила настаивать сестрица.

– Чтобы вы провели расследование, – сказал он.

– Шутишь? Я – адвокат, а не сыщик.

– Если сыщик понадобится, я оплачу все расходы. И ваши тоже. Поймите, я могу просить о помощи только вас. И только вам доверяю. Вы мои старые друзья и точно не заинтересованы в подтасовке фактов. О ваших родителях, по крайней мере об отце, моя мать отзывалась всегда с большим уважением. Если у вас ничего не получится, что ж, так тому и быть. Но я уверен, все получится. Тебе ведь не впервой проводить собственное расследование, – улыбнулся он Агате.

– Сергей, мне неловко тебе говорить об этом, но ты же сам сказал: нет никаких фактов. Только твои догадки...

– Я был с вами предельно откровенен, потому что во всем хочу ясности. Если вы скажете, что мои подозрения – чушь, я буду жить спокойно. Если нет... человек или люди, убившие мою мать, понесут заслуженное наказание. По крайней мере, я сделаю для этого все возможное.

– Речь сейчас не об этом. Речь о том, что у нас нет достаточных оснований...

– Кое-что есть, – спокойно произнес Сергей. – Собственно, с этого и начались мои сомнения, которые и привели к вам. После смерти мамы я чувствовал себя крайне скверно, что неудивительно. Старые друзья старались меня поддержать. Один из них наш с тобой одноклассник, Агата. Ванька Левашов, о котором мы сегодня вспоминали. Он судмедэксперт, о чем ты хорошо знаешь. Так вот, мы встретились, изрядно выпили, и он как-то вскользь намекнул, что матери помогли умереть. Я был не в том состоянии, чтобы всерьез отнестись к его словам и потребовать объяснений. Но на трезвую голову наш разговор, конечно, вспомнил. И утром поехал к нему.

– И что? – нахмурилась Агатка.

– Он заявил, что мне это приснилось. Ничего подобного он не говорил да и не мог сказать. Врет Ванька всегда очень неубедительно. А он, вне всякого сомнения, врал. Причем был здорово напуган.

– Кто проводил вскрытие?

– Некто Суворкин.

– И он что-то сказал Ваньке?

Сергей пожал плечами.

– А кто еще?

– Но Ваньке-то чего в этом случае бояться?

– Вот это вы и выясните. Вдруг он скажет вам то, что не пожелал сказать мне.

– Я вижу, ты всерьез увлекся идеей заговора. Люди, надежные властью, спешат избавиться от твоей матери, до того как она выпустит свою книгу?

– Ну, так разубеди меня в этом, – усмехнулся Сергей.

– Ага, скажи на милость, а на фига мне это?

– Я задавал себе тот же вопрос. И все же надеюсь на твою помощь. Потому что мы друзья или, по крайней мере, были ими, потому что мне не к кому больше обратиться и потому что никому, кроме тебя, я не поверю.

Агатка вздохнула и с минуту буравила его взглядом.

– Ты сам-то ее книгу видел?

– Нет. Я ведь относился к затее мамы как к очередному безобидному увлечению. До этого она занималась вышивкой, разводила розы и рисовала акварели. Я был рад, что она не зачитывает мне главы вслух. Акварелями, розами и вышивкой приходилось любоваться. После смерти мамы отец запер ее кабинет и никого туда не пускает.

– Так, может, и нет никакой книги? – с надеждой спросила

я. – Твоей маме нравилось держать людей в напряжении, а ничего писать она не собиралась.

– Книга существует. Отец это подтвердил. Но, несмотря на мои просьбы, отказывается показать мне рукопись, это тоже кое о чем говорит.

– Например, о том, что ему просто тяжело заходить в ее кабинет и держать в руках рукопись, над которой она работала в последние дни, – заметила я.

– И это я допускаю. Я ничего не знаю наверняка, – очень серьезно произнес он. – Но хотел бы знать. Простите, что отнял у вас столько времени. – Сергей поднялся и молча устоялся на Агату. Хорошо зная сестрицу, я была уверена, что в тот момент она мысленно чертыхалась.

– Попробуем, – неохотно произнесла она.

– Спасибо, – сказал Сергей и направился к двери, притормозил и, обернувшись, добавил: – Как я уже сказал, в расходах себя не ограничивайте. Я заплачу любые деньги.

– Любые деньги, – передразнила Агатка, когда дверь за ним закрылась. – Можно подумать, что это золотой ключик ко всем замкам.

– А то нет, – хмыкнула я.

– Еще одна умница. И кому ты его бабло втюхаешь? Ваньке Левашову?

– А что, можно попробовать. Он ведь был в меня влюблен. Женщина я свободная, авось прельстится. Не мною, так денежкой.

Агатка махнула рукой и начала бродить по комнате, хмурясь и что-то разглядывая у себя под ногами, бестолковое снование туда-сюда всегда являлось признаком тяжких раздумий. Я слилась с интерьером, стараясь ей не мешать.

– Что скажешь? – повернулась она ко мне минут через десять, утомившись бродяжничеством.

– А чего тут скажешь, раз ты уже все решила? Обещала попробовать, значит, будем пробовать.

– По-твоему, с горя Серега увлекся фантазиями?

Я ответственно отнеслась к вопросу, прикидывая и так и эдак.

– Тетка мне понравилась. Такая вполне могла замутить по полной. И если у нее был туз в рукаве, мало бы никому не показалось. А что касается Сереги... с папашей отношения не сложились, а денег у того немерено. Учитывая, что бабы падки на бабло, дядя, погоревав немного, может жениться вторично и даже детей нарожать. И денежки минуют карман твоего школьного приятеля.

– Он наследует долю матери.

– Ага, которую придется делить с отцом. То есть он в лучшем случае получит четвертую часть всего, чем владеет семейство. Многие считают, что целое куда лучше четверти. Так почему бы не получить все, обвинив отца в убийстве?

– Хорошо, что Серега тебя не слышит, – хмыкнула Агата. – Не скажешь, что ты сохранила веру в человечество.

– Это не мой друг, а твой. К тому же я пытаюсь быть

объективной. Всю последнюю неделю ты твердишь, что это должно стать моей основной добродетелью.

– Да? Наверное, я увлеклась. Серегу я всегда считала приличным парнем. Но... люди иногда меняются. Особливо если в деле замешаны деньги. У него своих немало. Но много денежек не бывает. Он был с нами откровенен, я бы сказала, излишне. О том, что Багрянский не его отец, мог бы умолчать. Причину своей откровенности назвал, и она вполне годится. Хотя... вдруг это всего лишь хитрый ход... черт, я становлюсь циником.

– Не беда. Ты еще молодая и не раз сможешь поменять убеждения.

– Кое-что меня смущает. Кое-что, делающее рассказ Сереги весьма вероятным.

– Не тyani.

– Суворкин, – глядя на меня, в задумчивости произнесла Агатка.

– Чем знаменит?

– Редкой покладистостью. Он из тех, что подпишут любую бумагу, лишь бы доставить удовольствие высокому начальству. Так что очень возможно, для Ванькиного пьяного трепа имелись основания.

– Что ж, давай покопаемся, – подумав, сказала я.

– Копаться придется тебе, – с довольным видом заявила сестрица.

– Почему мне?

— А кому? У меня и так дел до черта. Нароешь что-то путное, тогда и я подключусь. Будем считать это твоим первым самостоятельным заданием. В общем, дерзай. Я, само собой, в меру сил буду помогать и способствовать.

За свой стол я вернулась, пылая праведным гневом. Ну, хороши! Один, заподозрив злодейство, поспешил переложить свои проблемы на плечи подруги детства, а она с сестринской добротой спихнула их мне. Но, понемногу успокоившись, я обнаружила в ситуации явную для себя выгоду. Теперь вовсе не обязательно сидеть в офисе с осточертевшими мне бумагами. Поболтаюсь среди людей, выясню, что к чему. Была еще причина, не позволявшая отмахнуться от рассказа Сергея, а заодно послать сестрицу к черту с ее заданием. Аврора мне нравилась, а с той минуты, когда я узнала о ее смерти, вдруг, откуда ни возмись, явилось чувство вины. Занятая своими переживаниями, я ни разу не поинтересовалась ее здоровьем, не навестила в больнице и даже не позвонила. И теперь считала своей обязанностью помочь ее сыну, хотя вряд ли самой себе призналась бы в этом.

Сидя с праздным видом за столом, я прикидывала, с чего следует начать расследование. Труп кремировали, значит, официальные пути для меня закрыты. С догадками и рассказом подвыпившего судмедэксперта к следователю не пойдешь, тем более что Ванька от своих слов уже благополучно открестился. Прежде чем допекать людей вопросами и поднимать волну, нужно выяснить, что это за мемуары, из-за

которых разгорелся весь сыр-бор. Если Багрянский-старший своего сына к ней не допустил, вряд ли меня осчастливит. Выходит, лишь одному человеку доподлинно известно, содержался ли в книге некий компромат. Если да, то на кого? Человек этот Наталья Юдина, журналистка и подруга Авроры, помогавшая ей, по словам Сергея, в работе над книгой. Вот с ней и следовало встретиться незамедлительно.

Фамилия журналистки была мне знакома, но не более того. К газетам и журналам я равнодушна и своих денег на них никогда не тратила, довольствуясь бесплатными изданиями, которые временами обнаруживала в своем почтовом ящике. Основным достоинством этих листков были телепрограммы на неделю, но так как и телевидение существенной роли в моей жизни не играло, то эти самые листки я тут же распикировала в почтовые ящики соседей. В общем, мир журналистики был мне неведом, а соваться к тетке, не подготовившись, я не хотела. Для начала стоило узнать, что она за человек и следует ли доверять ее словам. Журналистская братия, по общему убеждению, падка на сенсации и не особо печется о правдивости своих историй.

Тут мне на ум пришел мой первый супруг, в прошлом студент журфака, а ныне главный редактор одной из местных газет. Покопавшись в памяти, я записала номер его домашнего телефона на перекидном календаре, но домой звонить не стала, а заглянула в Интернет и через пять минут набрала служебный номер. Дмитрий Александрович, отяго-

ценный двумя детьми, располневшей сверх меры супругой и злющей тещей, с радостью принял предложение встретиться. Уже довольно давно он предпочитал допоздна засиживаться на службе и домой не спешил, а тут я еще, напустив таинственности, обещала угостить его коньяком.

Через полчаса мы сидели в баре в трех шагах от здания, где находилась редакция его газеты. Прохоров пришел раньше меня, и, направляясь к стойке, я терялась в догадках, что хорошего могла некогда обнаружить в этом рыхлом, рано облысевшем мужике с сонным взглядом. Но тут он улыбнулся и вновь стал похож на того веселого, остроумного парня с безумными идеями, которые настолько увлекли меня, что я прямехонько отправилась с ним в загс.

– Фенька, – сочным баритоном произнес он. – Где были мои мозги, когда я согласился с тобой развестись.

– Ну, мозги-то у тебя всегда были в одном месте, – хмыкнула я, намекая на его большую любовь к женскому полу. В этом смысле, насколько мне известно, в его жизни ничего не изменилось. Он по-прежнему страшный бабник, лысина и жирок дурным привычкам не помеха. Мы братски обнялись и расцеловались.

– Как дела? – разглядывая меня, спросил Дмитрий Александрович.

– Наметились великие перемены.

– Опять замуж выходишь?

– Пока нет, но очень хочется. Перемены коснулись моей

трудовой биографии. Я теперь юрист, тружусь у сестрицы.

– Сочувствую, – скривился он. Как и большинство мужиков, Прохоров Агатку побаивался и считал близкое знакомство с ней божьим наказанием.

– Она особо не цепляется, боится, что сбегу. Сестрица обещала родителям сделать из меня человека, и мой побег нанесет ее репутации невосполнимый урон. – Болтая таким образом, мы выпили кофе, потом коньяк, затем еще кофе, и я решила, что пора переходить к насущному. – Сестра занята одним делом, и там всплыла фамилия Юдиной. Вот я и подумала, что ты должен ее хорошо знать.

– Наташку, что ли? – скривился бывший супруг. – А что, собственно, тебя интересует?

– Профессиональная репутация и личные качества, – ответила я.

– Баба на редкость стервозная, звезд с неба не хватает, но в девяностых ей крупно повезло, смогла взять интервью у папы римского и, конечно, возомнила себя журналистом с большой буквы. Одно время все ждали, что она поедет покорять Москву, но у нее хватило ума понять, что там и без нее народу как грязи, вот она и предпочла остаться здесь. Пишет разгромные статьи, достается всем, и правым и виноватым. Когда времена сменились и ругать власть стало немодным, ее начали понемногу прижимать. Уже лет семь у Юдиной своя газета. Название подходящее: «Вперед!» с восклицательным знаком.

– Нормальное название.

– Ага. No pasaran, Patrio e muerto и прочее в том же духе.

Одним словом, Че Гевара в юбке. Наши отцы города на нее поплевывают, но она по-прежнему рвется в бой. Старушки ее обожают, письма пишут, а она пишет свои статейки. Снесли здание техникума в историческом центре и построили супермаркет, дороги у нас ни к черту, коррупция. В общем, все как у всех, но молодой задор ее не оставляет, и она все еще на баррикадах. Вся жизнь в борьбе. Детей нет, муж, кстати, нормальный мужик, его вполне бы устроило мирное существование с той же властью, получал бы барыши за счет рекламы, но против супруги он не поперет. Слабоват. Официально газета принадлежит Юдиной, он главный редактор, она ведущий журналист. Народ у них подолгу не задерживается, потому что Наташка истеричка и способна доканать любого. Высокое звание российского журналиста надо поддерживать, а пик ее славы остался далеко позади. Короче, очередной сбитый летчик, злая, неудовлетворенная и, поверь мне на слово, бездарная. Комиссарить, как известно, проще всего...

– Ясно, – кивнула я, решив, что все вышеизложенное можно смело делить пополам. Сказать доброе слово о коллегах Прохоров не в состоянии по одной банальной причине: когда-то и он рвался в бой, но быстро выдохся и тех, в ком еще оставался задор, считал дураками, по принципу – я не могу, и ты не смей!

– Предположим, в руки ей попали некие компрометирующие материалы...

– Ну, она бы устроила настоящее шоу, – засмеялся бывший.

– Даже если бы ей намекнули, что это опасно?

– Да это вообще был бы подарок. Хороший повод возомнить себя героиней. Мне кажется, она бы от души порадовалась покушению на собственную жизнь, чтоб потом на всех углах об этом трезвонить. Как, впрочем, уже было однажды. Подожди-ка, – убрав усмешку с лица, сказал Прохоров. – А твой интерес никак не связан с мемуарами Авроры?

– Это что за Аврора? – напустила я в глаза легкой придури.

На физиономии бывшего появилось разочарование.

– Жена Федора Осиповича Багрянского. Слышала о таком?

– Знакомая фамилия.

– Недавно стал вдовцом. Супруга его с Юдиной дружила и затеяла писать мемуары. С разоблачением. Думаю, не без подачи Юдиной. Наташка намекала, что грядет грандиозный скандал. Договорилась с Фурмановым, это хозяин издательства «Восток», уже художника подключили, ваять обложку. До выхода книги Юдина собиралась печатать в своей газете отдельные главы. Все было на мази, и вдруг подруга скоропостижно скончалась. Юдина в глубокой депрессуе, потому что успела много чего наобещать, это во-первых, а во-вто-

рых, серьезно надеялась поддержать свою репутацию народной героини, которая с годами теряет блеск и приобретает затхлый запах.

– Ты сказал, Аврора скоропостижно скончалась...

– На самом деле она давно болела, то ли сердечница, то ли диабетик... В общем, скандала не вышло, о чем Юдина горько сожалеет.

– То есть в случае выхода книги скандал бы непременно возник? – осторожно спросила я.

– Да брось. Чего такого могла понаписать старая баба? Она из тех, кто живет в высоком терему за трехметровым забором, знает толк в тряпках и драгоценностях и ничегошеньки о реальной жизни. Ну, написала бы, например, что Литвинов напился на приеме как свинья, а то без нее не знаю, что он хронический алкаш.

– Хочешь еще коньяка? – предложила я по доброте душевной, решив, что пора прощаться.

– Мне еще работать... – с грустью ответил Прохоров. – А что там у вас за дело такое, а?

– Ты же знаешь, адвокат точно исповедник, а тайна исповеди гарантирована. Как думаешь, я застану сейчас Юдину на рабочем месте?

– Без сомнения. Она там днюет и ночует. Борьба за справедливость не оставляет времени на личную жизнь.

– Где находится редакция газеты?

– На Гороховой, трехэтажный дом напротив автосалона.

– Что ж, спасибо тебе. – Я расплатилась, Дмитрий Александрович смотрел на меня с печалью, то ли ностальгировал по прошлым временам, то ли стыдился нынешних. Самолюбие у него болезненное, но платить за выпивку сам не спешил, ждал, когда это сделаю я.

– Посидим еще немножко, – помедлив, предложил он. – Никуда твоя Юдина не денется. Общение с этой стервой тебе удовольствия не доставит. Как дела на личном фронте? Болтают, у тебя в друзьях Смирнов Вячеслав Александрович, мужчина богатый. За него замуж собралась?

– Я-то собралась, да он все никак не созреет.

– Дождешь, куда ему деваться, – усмехнулся бывший. – И с пасынком тебя часто видят.

– С Димкой? Так мы же родственники. Сам-то ты как?

– Нормально, – пожал он плечами. – Машину новую купил. Виталик в школу пошел, в общем, жизнь идет, – звучало это без намека на счастье. – Жаль, что у нас с тобой ничего не получилось, – закончил он со вздохом.

– Все к лучшему в этом лучшем из миров. Пойду я...

– Может, все-таки намекнешь, что у вас с Агаткой за дело такое?

– Не доставай.

– Ладно, – махнул он рукой. – Нароешь что-то путное, вспомни, что у тебя есть личный журналист. Эксклюзивный материал мне бы очень пригодился.

Из бара мы вышли вместе, Прохоров отправился на рабо-

ту, а я к стоянке такси. На улице то ли дождь, то ли снег, сразу и не разберешь. Втянув голову в плечи, я ускорила и с облегчением увидела свободную машину. Пожалуй, привычку передвигаться пешком пора оставить. У меня теперь расследование, сыщика, конечно, ноги кормят, но личный транспорт все-таки предпочтительнее.

Назвав водителю адрес, я попыталась сосредоточиться на предстоящем разговоре. Если верить бывшему, беседа обещает быть непростой. На беспокойство по этому поводу времени оказалось мало, очень скоро такси тормозило возле здания с несколькими вывесками на фасаде. Помимо редакции газеты здесь находились риелторская контора, аудит, фирма по изготовлению визиток и заведение под названием «Мономах» (только это слово и значилось на табличке, чем там люди заняты, оставалось лишь догадываться).

Отчаянно зевавший охранник смотрел телевизор.

– Вы к кому? – спросил без интереса.

– В редакцию газеты.

Взяв у меня паспорт, он занес данные в журнал регистрации и кивнул в сторону лестницы:

– Второй этаж.

Дверь в редакцию была распахнута настежь, в коридоре царил подозрительная тишина. По моему мнению, сотрудники должны сновать из кабинета в кабинет, деятельные и энергичные. Похоже, мои представления далеки от действительности.

Дойдя до конца коридора и никого не встретив, я заглянула за ближайшую дверь, на которой, как и на всех прочих, табличка отсутствовала. Две женщины сидели за компьютером в гробовом молчании. Я спросила, где могу найти Юдину, и получила лаконичный ответ:

– Дверь напротив.

Там оказалась приемная. Девушка-секретарь разговаривала по телефону. Дверь налево с табличкой «Юдина Н. П.», дверь направо была открыта, в глубине кабинета я увидела мужчину с аккуратной бородкой, он сидел за столом, держа в руках бумаги. Секретарь отложила телефон и повернулась ко мне.

– Что вы хотели?

Не успела я ответить, как дверь слева распахнулась и на пороге показалась женщина лет сорока пяти, высокая, худая, в сапогах на высоком каблуке и в вязаном платье, поверх него жилетка в яркую полоску с аляповатым цветком на плече. Волосы женщины были совершенно седые, стриглась она коротко, асимметричная челка закрывала высокий лоб. Глаза смотрели холодно, яркая губная помада слегка смазалась.

– Вы ко мне? – окинув меня взглядом, спросила женщина.

– Если вы Наталья Петровна Юдина, то к вам.

– Я – Наталья Петровна Юдина, – усмехнулась она. – Прошу, – и направилась к письменному столу, я последовала за ней. – Чему обязана?... – деловито спросила она.

– У меня к вам несколько вопросов, – дождавшись, ко-

гда она устроится в кресле, ответила я, заняв предложенный стул. – По поводу вашей подруги. Авроры Багрянской.

Лицо Юдиной на мгновение застыло.

– А вы, собственно, кто? – резко спросила она.

– Моя фамилия Ломакина. Я работаю в адвокатской конторе Агаты Константиновны Завьяловой. – Женщина нахмурилась, впившись в меня взглядом. – К нам обратился сын Авроры Леонидовны, в связи с чем и возникли некоторые вопросы. Я очень надеюсь, что вы нам поможете.

– Агата Завьялова? Очень интересно. Выходит, у ее отца тоже рыльце в пушку. Признаться, не ожидала.

– Это вы сейчас о чем? – удивилась я.

– Тебя кто послал, деточка? – презрительно произнесла Юдина, повысив голос почти до крика.

– Агата и послала, – улыбнулась я, надеясь, что тетка перестанет блажить и хотя бы выслушает, чего мне от нее надо.

– Ясно, – зло усмехнулась она. – Засуетились, когда жареным запахло. Чего ж они вас послали, а не какого-нибудь амбала с бейсбольной битой?

– У вас со здоровьем как? – растерялась я, вот и брякнула не то, тетка поняла вопрос по-своему.

– Я не боюсь ваших угроз. Слышите? Никогда не боялась и не боюсь. Так и передайте своим хозяевам.

– Я бы рада, только не знаю кому. Может, вы успокоитесь и выслушаете меня...

Тут в кабинет стремительно вошел мужчина с бородкой,

несколько минут назад я видела его в кабинете напротив.

– Что случилось? – спросил он, переводя тревожный взгляд с меня на Юдину.

– Вот, полюбуйся, они прислали девчонку, чтобы меня запугать.

– Я вообще-то пришла поговорить по интересующему меня делу, – слабо вякнула я, понимая, что тетка вошла в раж и достучаться до ее здравого смысла будет нелегко. Еще вопрос, был ли вообще этот здравый смысл.

– Наташа, успокойся, – произнес мужчина, встал рядом с Юдиной и положил ей руку на плечо. Надо полагать, это и был супруг истеричной тетки. Она, сбросив его руку, полезла в ящик письменного стола, достала с десятков конвертов и принялась трясти ими перед моим носом.

– Вот, видите? Это угрозы, каждый день я получаю по пачке писем. Вы что думаете... – на счастье, не ее, мое, Юдина вдруг закашлялась, лицо ее покраснело, конверты она выронила и закрыла лицо руками. Муж хлопотал рядом, толком не зная, чем ей помочь. Тетка глубоко вздохнула, перестав кашлять, и уставилась на меня. – То, что не успела Аврора, сделаю я, – чеканя слова, заявила Наталья Петровна. – А теперь убирайтесь.

«С превеликим удовольствием», – очень хотелось сказать мне, но я промолчала. Спешно покинула кабинет, а вслед за этим и редакцию.

Оказавшись на улице, немного прошлась и начала горь-

ко сетовать, что задание я провалила. Надо было начать разговор иначе, интеллигентно подвести к интересующей меня теме. Мало того что ничегошеньки я не узнала, тетка теперь бог знает что вообразит. Отца и то умудрилась приплести. Пожалуй, бывший в кои-то веки оказался прав: у Юдиной начисто башню снесло на почве борьбы за справедливость. Хотя если насчет угроз она не фантазировала, то кое-какие выводы можно сделать. Она очень раздражает неких граждан, это первое. Допустим, среди них не все психи и кто-то всерьез видит в ней проблему. Стоило мне произнести имя Авроры, и тетка зашлась в крике, возможно, не я первая допекаю ее разговорами на эту тему – это второе, хотя в моем случае о разговоре и речи нет, она вопила, я слабо вякала, причем не по делу. Тетка мгновенно связала мое появление с угрозами. Значит ли это, что кроме меня уже были ходоки? То есть кто-то намекал ей на ненужность каких-либо публикаций? Скорее всего, так. Уж очень она нервничала. Самое скверное, что теперь рассчитывать на душевный разговор с Юдиной попросту глупо, она вряд ли захочет меня видеть. Агатке появляться у нее тоже не стоит. Хотя вдруг мне повезет, Юдина немного успокоится, проявит любопытство и пожелает меня выслушать.

Я взглянула на часы, пытаюсь решить, что теперь делать. Домой вроде бы еще рано, а в офис вроде бы уже поздно. Спрятавшись от промозглого дождя на крыльце универмага, я набрала номер сестрицы.

– Чего тебе? – спросила она недовольно.

– Как чего? Совета и утешения.

– Советов не даю, только консультирую за деньги. А утешение... верь в хорошее.

– Это очень кстати. Вот сейчас я верю, что ты захочешь отужинать в компании школьного друга.

– Ваньки, что ли? – хмыкнула Агатка.

– А ты сообразительная, – подхалимски сообщила я.

– Это твое задание, так почему с Ванькой должна встречаться я? К тому же влюблен он был в тебя, а не в твою сестричку, и...

– Я предлагаю тебе поужинать, да еще с пользой для дела. Ваньку я не видела со школы, и он меня может не узнать, а узнав, очень удивится...

– Он по-любому удивится...

– Ты слышала о том, что люди иногда помогают друг другу? – съязвила я.

– Ладно. Позвоню Ваньке. За мной организация встречи, за тобой обольщение. За ужин платим вскладчину, от Ваньки не дождешься.

– Заметано, – сказала я.

В ожидании, когда Агатка перезвонит, я прошлась по универмагу. Наконец раздался веселенький мотивчик.

– Парень готов к обольщению, – с усмешкой сообщила Агатка.

– Он не поинтересовался причиной твоей доброты?

- Обалдел от счастья и про вопросы забыл. Ты уж не подкачай, сестрица, швыряться деньгами не в моих правилах.
- Выстави счет своему Багрянскому, – посоветовала я. – Он был готов раскошелиться. Где встречаемся?
- В восемь вечера в «Карусели».
- Тогда я домой, наносить боевую раскраску.
- Времени оставалось немного, и домой я поехала на такси. Встала под горячий душ, чтобы согреться, извлекла на свет божий платье, подаренное Агаткой, и в половине восьмого выпорхнула на улицу. Любезность сестрицы простиралась так далеко, что она решила за мной заехать. Я вышла из подъезда как раз в тот момент, когда ее машина появилась во дворе.
- Тебе надо тачку купить, – заявила Агатка, как только я оказалась рядом.
- У меня есть тачка.
- Она ж моя ровесница.
- Не преувеличивай, гораздо моложе.
- Намекну предкам, что ты остро нуждаешься в подарке. Уверена, они раскошелятся.
- Бойся данайцев, дары приносящих, – съязвила я.
- Родители заслуживают большего уважения. Машину все-таки смени, иначе пойдут сплетни, что я скупердяйка и на жалованье сестры экономлю.

Мы приехали в «Карусель» чуть раньше назначенного

времени, кафе весьма популярно в городе, и в пятницу вечером здесь было многолюдно.

– Могла бы выбрать местечко поспокойнее, – проворчала я.

– И на старуху бывает проруха, – философски ответила сестрица.

Наш стол расположен был очень удобно, на небольшом возвышении, и отгорожен от зала ширмой. Не скажу, что здесь было тихо, но, по крайней мере, мы друг друга слышали. Ванька опаздывал, и я решила разжиться сведениями о предмете обольщения. Агатка, уткнувшись в меню, отпартовала:

– Разведен, зарплатой недоволен, жизнью в целом тоже, пьет часто и не в меру. В остальном мало изменился.

Сообразив, что ценной информации больше не предвидится, я поведала в деталях о своем неудачном визите к Юдиной.

– Думаешь, дамочка просто спятила или угрозы все-таки имеют место?

Я пожала плечами.

– Прохоров говорит, она прирожденный боец... Многих достала. Угрозы, может быть, и есть, но необязательно связанные с Авророй. Взглянуть бы на ее мемуары...

Агатка закатила глаза.

– Ну, если только проникнуть в дом Багрянских под покровом ночи. Но делать этого я бы не советовала, дом навер-

няка на сигнализации.

– Серега мог бы подсуетиться.

– Забудь об этом.

– Тогда вся надежда на Ваньку. Где он, кстати?

Агатка достала телефон из сумки и набрала номер.

– Ты где? – получив ответ, положила мобильный на стол и сказала: – Сдает куртку в гардероб.

Через пару минут в зале появился мужчина и принялся вертеть головой во все стороны. Агатка приподнялась и махнула ему рукой. Он припустился к нам резвой рысью.

– Привет, девчонки. Страшно рад вас видеть. – Они расцеловались с Агаткой, я поцелуя тоже удостоилась. – Извините, что опоздал. Вся жизнь проходит на этой чертовой работе. И какого хрена я не пошел в адвокаты?

– Да уж, – хмыкнула сестрица. – Человечество много потеряло.

Ванька весело улыбнулся и начал проявлять интерес к меню.

– Что-нибудь заказали?

– Ждали тебя.

Пока он водил пальцем по длинному списку, я его разглядывала. Физиономия слегка опухшая, побриться с утра он забыл, ворот свитера растянут, из-под него виднелась футболка, которую носили не меньше недели. Классический тип разведенного мужика. Покончив с меню, Ванька на меня уставился и разразился комплиментами, довольно неуклю-

жими. Приоритеты выстроены: сначала водка и жратва, потом бабы. Пожалуй, его придется не соблазнять, а спаивать.

– Ну, что, давайте за встречу, – радостно предложил он, когда принесли выпивку.

– Может, закуски дождешься? – хмыкнула Агатка.

– Да чего ее ждать, сок есть. – Мы выпили, Ванька тут же разлил по второй. – Рассказывайте, как дела, – предложил весело. – Твоя тачка у кафе стоит? Серега Багрянский докладывал... что значит папа генерал, бабло к рукам так и липнет.

– Так у тебя батя тоже не в рядовых ходил, – съязвила сестрица.

Ванька махнул рукой.

– Как только на пенсию вышел, стал никому не нужен. И моей карьере кердык пришел. Не выдвигают, а все больше задвигают. В общем, предназначение мне было великое, но что-то на небесах не заладилось.

– Что ты ноешь? – усмехнулась Агатка. – Точно старый дед.

– Возраст человека определяется его душевным состоянием, – изрек Ванька, подняв палец, но тут же засмеялся. – Обидно, Агатушка, в моем возрасте Александр Македонский уже Персию завоевал, а я...

– Он помер рано, а ты потянешь лямку еще лет двадцать, выйдешь на пенсию и будешь огурцы сажать.

– Никто своей судьбы не знает, – очень натурально вздох-

нул он. – Ладно, не обращай внимания. Я просто тачке твоей позавидовал. Баба, а зарабатываешь в десять раз больше меня.

– У тебя есть уникальная возможность улучшить свое материальное положение, – решила я не церемониться.

Ванька замер с поднесенной ко рту рюмкой, потом поставил ее, так и не выпив.

– Серега, да? – спросил он, хмуро глядя на Агатку. Та одарила меня благодарным взглядом.

В этот момент подошел официант, избавив ее от необходимости отвечать, по крайней мере сразу. Расставив не спеша тарелки, парень удалился, Ванька с трудом дождался, когда он отойдет на почтительное расстояние.

– Я-то думал, ты вспомнила об однокласснике.

– Кончай из себя сироту строить, – не выдержала Агатка. – Ты обо мне раз в полгода вспоминаешь, и то ближе к праздникам. Серега, между прочим, твой друг, а друзьям положено помогать.

– Положено, – передразнил Ванька. – Вот скотина. Вас подослал, еще и деньги предлагает. Его идея?

– Моя, – подала я голос. – Уж очень ты на жизнь жаловался.

– С друзей деньги только последняя свинья возьмет, – пробубнил школьный товарищ. – Черт меня тогда за язык дернул...

– Ну, уж если дернул, так Расскажи, в чем там дело, – ми-

ролюбовиво предложила Агатка.

– Да нет никакого дела...

– Ванька, – сестрица сурово нахмурилась, став на мгновение очень похожей на нашу маму. – Ты же меня знаешь, я от тебя не отстану.

– Да пошла ты... – он выпил и принялся вяло жевать. Мы сидели с постными лицами, Ваньке это надоело, и он отложил вилку в сторону. – Вот скажите, на фига вам это? Мать его похоронили, не похоронили даже, кремировали. Ну, узнает он что, все равно ведь не докажет.

– У него есть подозрения, что мать убили. Представь себя на его месте.

– Убили? – вытаращил глаза Ванька. – Вы что, спятили?

– Но ведь ты сам...

– Да ничего подобного я не говорил. У него просто крыша поехала, если он ляпнул вам такое.

– Хотелось бы послушать твою версию, – дипломатично предложила я.

– Нет у меня версии, нет. Слушайте, мне неприятности ни к чему, а если пойдут слухи...

– Какие слухи, Ваня? Серега пришел ко мне, потому что у него возникли сомнения. Мать занялась мемуарами и намекала, что после их опубликования многим не поздоровится. Отец его к бумагам не подпускает, и этому должна быть причина.

– Его отец тоже считает... – выкатил Ванька глаза, кото-

рые и без того были как у филина.

– Чего он там считает, нам неведомо. Серега просил нас о помощи, мы должны выяснить, могла ли кого-то всерьез беспокоить ее писанина. Уверена, все это чушь собачья, единственное, что тревожит, это твой намек. Если Сереге привиделось, то есть прислышалось, мы посоветуем ему не забывать всякой чепухой головы, свою и наши. Но если ты что-то знаешь... помоги другу. Ты совершенно прав, доказать что-либо трудно, если труп кремировали, и нам придется идти другим путем. В любом случае ты останешься в стороне. Никаких официальных показаний, ни сейчас, ни в будущем. – Говорила Агатка вдохновенно, и ее импровизированная речь впечатление произвела. Ванька задумался, потом вздохнул и наконец заговорил:

– Если и есть что, то к ее мемуарам отношения не имеет. Короче, мы с Суворкиным выпивали, это он вскрытие проводил. О том, что мы с Серегой друзья, ему хорошо известно, вот и зашел разговор о его матери. Еще раз повторяю, никакого убийства. Речь может идти только о врачебной ошибке.

– А потолковей? – насторожилась я.

– Аврору привезли без сознания и отправили в реанимацию, в себя она так и не пришла, кома и летальный исход. Впопыхах ей могли вколоть препарат, имевший побочное действие. Не мне вам рассказывать, как это бывает.

– Иными словами, вскрытие показало присутствие препарата, который был ей противопоказан?

– Похоже, так. Суворкин, конечно, сразу сообщил об этом главврачу. Ну а дальше, ясное дело, главврач намекнул, что неприятности никому не нужны. Аврору не первый раз вытаскивали буквально с того света, у нее целый букет заболеваний: диабет, сердце ни к черту, давление... в общем, у нее была масса поводов скончаться. Не сегодня, так завтра. Зачем же портить людям репутацию? Особенно учитывая, кто ее муж. Представляете, какой бы он поднял шум?

– Представить нетрудно, – вздохнула Агатка.

– Вот именно. Люди просто хотели избавиться от неприятностей.

– Что ж ты Сереге все не рассказал?

– По пьяни брякнул, а потом подумал: ну зачем? Другу лишнее расстройство и людей подведу. Пойдут слухи, и кто окажется виноват? – Он налил себе водки и залпом выпил. Отодвинул тарелку и спросил: – Довольны?

– Облегчил душу, самому ведь станет лучше, – ласково ответила сестрица. – Ты закусывай, закусывай.

– Спасибо, уже наелся, – буркнул Ванька, чувствовалось, что здорово злится, но минут через десять подобрел. Агатка заказала еще водки, и друг детства развеселился.

Они принялись вспоминать школьные годы, потом общих знакомых, затем Ванька ничего уже вспомнить не мог, говорил с трудом и лез целоваться. То ко мне, то к сестрице. Стало ясно, пора прощаться. Вызвали такси. Пока ждали машину, Ванька успел вздремнуть.

– Могла бы школьного товарища сама отвезти, – попеняла я.

– Малоприятные обязанности разумнее переложить на чужие плечи. До подъезда его доставят, а до квартиры сам доберется. Ему не привыкать. Сиди здесь, провожу сироту и вернусь.

Она позвала официанта, и тот, подхватив вконец разомлевшего Ваньку, зашагал к выходу, Агатка царственно вышагивала сзади. Вернулась через несколько минут, я пила кофе, разглядывая стену напротив.

– Мужик из-за стола, кошельку облегчение, – произнесла она, устраиваясь рядом.

– Ага. Заманили парня, напоили и бросили.

– Обидно слышать такое, накормили, напоили и оплатили доставку, так что грех обижаться. Что, сестрица, повысим уровень коньяка в организме? Все-таки пятница. Кстати, соблазнительница из тебя никудышная. Теряешь квалификацию.

Однако, несмотря на мою готовность поддержать Агату в благородном деле, расслабиться не получилось. Выпив, сестрица взглянула на меня серьезно и задала вопрос:

– Что скажешь?

Я пожала плечами.

– Мутно. Хотя я склонна согласиться с Ванькой. Врачебная ошибка куда вероятней вселенского заговора.

– Но что-то смущает?

– Я же была в больнице в тот вечер. Они вызвали лечащего врача Авроры. Специально вызвали, он хорошо знал все ее проблемы.

– Кто-то под шумок вкатил препарат, который был ей категорически противопоказан? – хмыкнула Агатка.

– Ты сама-то в это веришь?

– Нет. Трудно представить врача, который на это согласится.

– Еще труднее представить, что злодей пробрался в палату реанимации.

– Но Суворкину нет никакого резона врать.

– А это значит...

– Ничего это не значит, – отмахнулась Агата и недовольно окинула взглядом зал. Чувствовалось, что гадание на кофейной гуще ее изрядно достало. Вдруг выражение ее лица изменилось, в нем появилась непривычная для сестры растерянность. Я проследила ее взгляд и мысленно чертыхнулась, пожалев о том, что мы не убрались восвояси вместе с Ванькой. За столом в центре зала сидел Берсеньев. В компании мужчины лет сорока и двух девиц чуть старше школьного возраста. Мужчина что-то рассказывал, девицы визгливо смеялись, а Берсеньев взирал на них со снисходительной улыбкой.

– Этому что здесь понадобилось? – проворчала я. – Я-то думала, он предпочитает заведение посольной.

– На самом деле он демократичен, – усмехнулась сестри-

ца. – У тебя нет ощущения, что мы выходим в тираж?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.